



# Булач Имадутдинович Гаджиев Дочери Дагестана

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8673615](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8673615)

Булач Имадутдинович Гаджиев. Дочери Дагестана: ИД «Эпоха»; Махачкала; 2012  
ISBN 978-5-98390-104-9

## Аннотация

Булач Имадутдинович Гаджиев, известный историк, краевед, неутомимый популяризатор истории родного края, к сожалению, ушедший от нас в 2007 г., рассказывает о женщинах Дагестана, сыгравших определенную роль в судьбе нашего края, оставивших заметный след в его истории.

Книга будет с большим интересом прочитана широким кругом читателей – и теми, кто хорошо знает историю родного края, и теми, кто только соприкасается с замечательными ее страницами, которую делами наравне с мужчинами, создавали и многие незаурядные, прекрасные женщины.

## Содержание

Жанна д'Арк из аула Хуна	5
Если бы не Джарият	10
Одна краше другой	12
О ней слагали легенды	17
Шуанет	20
Каримат	27
Внучки Шамиля	33
Праправнучки Шамиля	36
Роза Дербента	41
«Не верю, что выросла ты в колыбели...»	43
Сану – жена Хаджи-Мурата	49
Несравненная Нух-Бике	51
«...С чем сравню...»	57
Урижа	61
Крепость семи великанов	63
Шамхал любовался...	64
От Ахульго до Гуниба	65
Глазами просвещенных людей	69
Мимолетное видение	70
Если по закону	71
«Бэла» из Чирага	72
Расплата за любовь	74
Ахмат-Айсукала	75
Сватовство состоялось	76
Сердце на склепе...	77
Песне не дали умереть	78
Безропотно приняла удар судьбы	79
Стрелялись	80
Нарушил адат	82
Поставил условие	83
Вот твоя подпись...	84
Вмиг улетучилось	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

# Булач Имадуддинович Гаджиев Дочери Дагестана

*В книге использованы статьи:*

**Ш. Микаилова** (Заира Хизроева),

**Ф. Алиевой** (Хамис Казиева),

**А. Халикова** (Мариам Ибрагимова),

**М. Халимбековой** (Муи Гасанова и Фазу Алиева).

© Б. И. Гаджиев, наследн. 2012

© ИД «Эпоха», 2012

## Жанна д'Арк из аула Хуна

Если из Кумуха, центра Лакского района, идти на юго-восток, то, не доходя до села Арчутта, вы увидите небольшой ручей, перебегающий через аробную дорогу. Место это называют Партувалил рат.

Более ста пятидесяти лет назад из села Хуна нукеры Агалар-хана увезли девушку невиданной красы по имени Парту. В Кумухе ее ждала ночь и встреча с ханом. Парту была не первой жертвой Агалар-хана. Девушка попросилась выйти на балкон. Воспользовавшись тем, что слуги были чем-то отвлечены, она вырвалась из ханского дворца, бежала, перескакивая через ступени.

Жители Кумуха, видевшие, как она помчалась к Казикумухскому Койсу, подумали: бросится в реку, но Парту перебежала деревянный мост и скрылась за поворотом. В это время во дворце хана подняли тревогу. Нукеры знали, что лишатся своих голов, если не воротят девушку.

На подступах к аулу Хуна они настигли беглянку, схватили ее, подняли на лошадь и посадили впереди самого могучего нукера. Парту сопротивлялась, все норовила спрыгнуть, ударить, укусить. Тогда девушку посадили сзади и привязали к спине седока. Изловчившись, она выхватила кинжал и убила своего мучителя. Но и сама в ту же минуту упала с лошади. Нукеры устроили над Парту дикую расправу.

С тех пор место гибели девушки называют Партувалил рат – речка Парту. Старики останавливаются у ручья на минуту-другую, читают молитву, а в том месте, где упало тело девушки, складывают камешки.

В том же ауле Хуна за 450 лет до описанного события жила другая девушка по имени Парту<sup>1</sup>. Это о ней в 1905 году революционер Саид Габиев написал: «У лаков есть своего рода Жанна д'Арк – Парту Патима, которая некогда спасла родной край от нашествия монголо-татар. О ее подвиге свидетельствует и надгробный памятник, который привлекает летом много паломников, преимущественно женщин: ее считают святой девой».

В 1395 году среднеазиатский полководец Тамерлан огнем и мечом прошел через Северный Кавказ и разбил войска Золотой Орды. Затем повернул на юг. Уже на территории Дагестана, оставшись без воды, приказал вырыть громадный колодец, получивший название Темиргою – колодец Тимура. Затем перешел реку Сулак близ нынешнего Чиркея, послал ряд карательных экспедиций на Салатавию, обманом подчинил крепость Кадар, усмирил Кули и ряд населенных пунктов, находящихся сейчас рядом с даргинским аулом Цудахар, и подошел к землям лакцев. Опасность приняла устрашающие размеры. Случилось это в следующем 1396 году. Горцы готовились к боям. За кладбищем аула Хуна джигиты метали копьа, фехтовали на мечах, точили клинки.

---

<sup>1</sup> Некоторые считают родиной Парту сел. Ахар.



### **Тамерлан**

Мимо героев с кувшином за плечами проходила Парту Патима.

Поприветствовав джигитов и дав им напиться, девушка попросила позволить ей показать свою доблесть. Удивились джигиты. Один из них сказал:

*«Ужель, Патима, говоришь ты всерьез?  
Зачем же джигитов смешишь ты до слез?»*

Не обиделась девушка на эти слова, а попросила прежде дать ей дамасский клинок, шлем, кольчугу и коня.

Сказав так, подняла Парту Патима кувшин на плечи и, не оглядываясь, ушла домой.



**Воин Тамерлана. Рисунок художника Бюрниева**

Через некоторое время примчался, как молния, всадник лихой. Это была Парту. Она подъехала к тому джигиту, который высмеял ее, и вызвала его на состязание. Их лошади фыркали и ржали, предчувствуя бой. Как два нарта, двинулись они друг на друга. Дважды нанес удар джигит, но оба раза неудачно. Наступил черед Патимы, и сабля молодца вылетела из рук. Оробел от стыда джигит. Стал просить прощения у девушки за свою насмешку. Но на это Парту Патима отвечала:

*– Соседский джигит, умоляю тебя,  
Себя ты не мучай, о прошлом скорбя,  
Бывает и так, – ты поверь мне как другу, —  
Что волка лягает осел с перепугу.*

А в душе перед поединком думала: если Ахмед победит, то задарит его и в губы поцелует при народе, но на это у Парту все-таки не хватило бы смелости, да и Ахмед спасовал.



### **Парту Патима:**

С этого часа джигит Ахмед полюбил Парту Патиму. И тут пришло тревожное известие: идет на их родину хромой Тимур. Герои собрались в Кумухе. Провожать их вышел весь аул. В доспехах и на коне была и Парту Патима.

Что за диво: за девушкой скачет весь отряд. Тимур доложили об этом. Смеялся Тимур:

*«Вселенная клич мой услышала бранный,  
Пленял я царей, завоевывал страны,  
Но вижу впервые отряд пред собой,  
За девушкой-воином скачущий в бой!»*

От удара двух сил взорвалось небо, поле усеялось головами героев, горячая кровь полилась по земле.

Враги смутились впервые. Тимур не знал, не видел еще такого боя. Снова сомкнулись и разошлись горцы с врагами. Решили: пусть встретятся сильнейшие от каждой стороны. От противника вышел Тугай, от горцев – юноша Ахмед, возлюбленный Парту Патимы.

*Был крепче Тугай, размахнулся с плеча,  
Рассек он Ахмеда ударом меча.*

Не удержалась Патима, выхватила клинок и кинулась на Тугая.

*Тугай замахнулся, но сабле Тугая  
Ответила девушки сабля кривая.  
Еще один взмах, и еще один взмах —  
И пал перед ней обезглавленный враг.*

Против Парту вышел брат Тугая. Рассердилась девушка. Обвила вокруг шлема свои густые косы, по локоть засучила рукава:

*Направо взмахнет – и врага обезглавит,  
Налево взмахнет – коня рассечет.*

Бежал Тимур.

По приказу девушки-воина собрали тела мертвых бойцов, принесли и останки Ахмеда. Упала Парту Патима, оплакивая возлюбленного. Вернулись джигиты домой, навстречу вышел благодарный народ и более всех воздал он славу своей дочери. Так было.

Прошли столетия. Но народ не забыл своей героини. В 1938 году из уст 90-летней Д. Хайдаковой было записано сказание о девушке-воительнице, спасшей наши горы от иноземных захватчиков, девушке, которую справедливо сравнивают с героиней Франции – Жанной д'Арк. Ее могила стала местом паломничества. Подвиг во имя родины не забывается.

И наконец. Президиум лакского народного движения и совет республиканского культурно-спортивного клуба «Дагестан» утвердили проект мемориального комплекса, посвященного подвигу Парту Патимы в битве против средневекового завоевателя Хромого Тимура.

Автор проекта М. Цахаев создал в центре Кумуха оригинальный комплекс из каменных глыб с высеченными на них барельефами и статуей героини на коне.

## Если бы не Джарият

В начале октября 1995 года руководство Дагестанского телевидения решило снять документальный фильм о памятных местах Кази-Кумуха. С этой целью я вместе с киногруппой прибыл в центр Лакии.

Завершив работу за два дня, мы собрались домой, как в узком коридоре общего дома лицом к лицу я столкнулся с человеком, назвавшимся учителем Юсупом. После салам-алейкума он обратился ко мне с вопросом:

- Вас интересовали памятники старины?
- Да – отвечал я, – конечно.
- Разве моя бабушка не является таким памятником?
- Простите, какая бабушка?
- Хайдакова Джарият.

Было от чего хвататься за голову. Конечно же, я не раз и не два слышал это имя, но не предполагал, что имеются потомки знаменитой сказительницы. В памяти мгновенно, как в кино, замелькали картинки событий 600-летней давности.



**Джарият Хайдакова с мужем**

Но в тот день в тесном коридоре ждал моего ответа учитель Юсуп Хайдаков. Поблагодарив его, просил переправить на мой адрес воспоминания о своей бабушке. Он обещал. Расставаясь, мы крепко пожали руки друг другу.

Мой новый знакомый оказался человеком, верным данному слову. Вскоре мне вручили бандероль. Несказанно обрадовавшую меня, так как я получил не только обещанное письмо, но и фотографию знаменитой сказительницы.

Читатель, может, начнет гадать, почему я употребил эпитет «знаменитой»?

Да потому, что не будь на свете Джарият Хайдаковой, мы не знали бы многого о дагестанской Жанне д'Арк – жемчужине дагестанского фольклора. Ниже привожу сведения, присланные Юсупом Хайдаковым:

«Хайдакова Джарият родилась в 1852 году в селении Кази-Кумух Кази-Кумухского ханства. По рассказам моей матери, Хайдаковой Рукижат, Джарият получила достаточные знания в медресе. Училась она у известных ученых того времени. Хорошо знала историю, фольклор лакского народа, сама сочиняла стихи на различные события. Но они не сохранились, кроме одного стихотворения, написанного ею на гибель младшего сына Алила, который был расстрелян в 1919 году в темир-хан-шуринской тюрьме.

Бабушка Джарият была мастерицей шить мужскую одежду из местного материала – чуха (сотканного вручную из шерстяных ниток).

Я, десятилетний ее внук, до сих пор помню большие ножницы, которыми пользовалась бабушка.

Она была высокого роста, довольно плотного телосложения и красивая лицом. По многим вопросам жизни к ней за советами обращались жители Кази-Кумуха.

Больше всех бабушка любила самого старшего внука, Саида. Он с малых лет также увлекался историей. Он не уставал слушать сказки о нартах, эпические песни, связанные с прошлым Дагестана.

Почему я заговорил о нем, узнаете чуть ниже.

В годы войны Саид преподавал немецкий язык в Кумухской школе, а я учился. У нас не было ни книг, ни тетрадей.

Однажды в поисках чистой бумаги я обшарил все наши комнаты и в одной из них, в какой-то нише, обнаружил папку с листами, исписанными красными чернилами. Ими-то я стал пользоваться во время письменных работ. За этой-то работой меня застал Саид.

Он пришел в ужас. Оказалось, что я вымарывал записи бабушки Джарият о подвигах Парту Патимы.

Я глубоко каюсь в случившемся, потому что из-за меня бесценное сокровище народного творчества не дошло до нас в полном объеме».

## Одна краше другой

3 ноября 1819 года у Бавтугая в небольшой схватке А. П. Ермолов одолел Ахмет-хана Аварского. Хан поспешно отступил в горы, а Алексей Петрович, проехав широкую степь, повернул от моря направо в Тарки к шамхалу Тарковскому.

Здесь в честь гостя был устроен прием. Генерал ел, пил и незаметно, чтобы не выдать себя, приглядывался к женской половине. Одна из девушек с гордой осанкой поразила его своей красотой и сложением. Видимо, знала себе цену.



**Сел. Казанище. Люди шамхала Тарковского.**

– Кто она такая? – спросил он у шамхала.

– Моя подданная.

– Я не о том. Имя у нее есть?

– Да, конечно, – отвечал смеясь шамхал. – Сюйду, дочь Абдуллы, двадцать лет.

– Что значит Сюйду? – спросил генерал.

– Влюбилась.

– В кого?

У шамхала язык прилип к горлу, но все-таки ответил:

– Да ни в кого. Имя у нее такое... Шамхал понял, почему Ермолов затеял этот разговор, и на следующий день привел девушку к генералу.

У Алексея Петровича вкус был отменным. Внешность Сюйду поражала не только его.



### **Генерал А. П. Ермолов**

Сюйду не смела ослушаться хозяина и стала женой человека, который был в два раза старше нее. Она стала женою по закону, когда от мужа назначается денежная сумма с движимым и недвижимым имуществом. Сюйду имела еще одно преимущество в отличие от временных жен: в случае смерти мужа, то есть А. П. Ермолова, если не было детей, она могла получить четвертую часть наследства, если же оставались дети – восьмую часть. Такой договор удовлетворил таркинку и ее родителей.

Когда А. П. Ермолов уезжал в Тифлис, Сюйду ждала ребенка. Генерал приказал, чтобы после родов она приехала к нему. Родился мальчик. Сюйду оказалась не робкого десятка, а Алексей Петрович очень привязался к ней, поэтому сын стал носить два имени – Виктор и Бахтияр.

Через два года мать и сына отвезли в Тифлис в резиденцию А. П. Ермолова. Жили они в роскоши, все было, что душе угодно, но из дворца Сюйду почти никуда не выходила, а так как она не знала ни русского, ни тем более грузинского языка, то и поговорить ей было не с кем. Муж был все время занят государственными делами, и Сюйду стала тосковать по дому, по родным.

Одно утешало женщину: мальчика во дворце учили хорошим манерам, русскому языку, кормили по-царски. Когда Виктору-Бахтияру исполнилось четыре года, его отправили в Россию, чтобы дать настоящее образование и воспитание, подобающее сыну наместника царя на Кавказе.

Ехать с сыном в Москву мать не захотела, так же как и продолжать жизнь с мужем. Для того была веская причина, о чем я расскажу дальше. Ермолов не неволил. Ее богато одели, обули, посадили в карету и с соответствующей охраной, запасом продуктов и денег отправили на родину.

После этого Алексей Петрович не раз бывал в Дагестане, но в Тарках больше не появлялся, чтобы не видеться с женщиной, к которой несколько лет назад воспылал, казалось бы, неугасимой любовью. От большого счастья также надо иногда отдыхать.

Сюйду тем временем была так же хороша, как и раньше, а после Тифлиса и вовсе у нее появилось много воздыхателей. Она выбрала таркинца Султанали, которому подарила сына Черува и дочерей Джансу и Ату.



### **Шамхал Тарковский**

Теперь о том, почему Сюйду не захотела оставаться хозяйкой тифлиского дворца. В том же 1819 году, когда Ермолов увидел Сюйду в Тарках, в Какашуре он обратил внимание на другую девушку, тоже редкой красоты, но помолвленную с односельчанином Искендером<sup>2</sup>. Девушку звали Тотай. Она, как и Сюйду, произвела на генерала большое впечатление. Он объявил шамхалу, что готов идти на все, только бы после окончания похода забрать Тотай с собой в Тифлис. Шамхал же не мог напомнить генералу о Сюйду, так как сам имел несколько красавиц – жен.

Из Какашуры Ермолов отправился в Акушу, чтобы наказать восставших дагестанцев, а тем временем отец Тотай Ака в одночасье засватал свою дочь за Искандера.

---

<sup>2</sup> Русская старина. № 9. 1984. С. 526.



**Женщина из Казанища – владения шамхала Тарковского. Рис. Г. Г. Гагарина.**

Усмирив акушинцев и их союзников, 1 января 1820 года генерал прибыл в Параул. Тотчас же он велел сыну шамхала Альбору немедленно отправиться в Какашуру и во что бы то ни стало привезти Тотай. По свидетельству А. Берже, поручение было успешно выполнено. Помогло еще то, что отца девушки в момент похищения не было дома. Он находился в Кафыр-Кумухе, куда ездил молотить пшеницу. Ака, не мешкая ни минуты, отправился по следам войск Ермолова, которые настиг в Шамхалингиюрте. От местных жителей без труда он узнал, где держат его дочь. Ринулся туда, но его не допустили к Тотай, объявив, что и речи не может быть о ее возвращении в родной аул. А в качестве утешения вручили отцу перстень, серьги и шубу Тотай и велели возвращаться домой.

И на этот раз шамхал пошел навстречу Алексею Петровичу, выдав ему свидетельство, будто Тотай – девушка знатного происхождения.

Со второй гебинной женой Ермолов жил гораздо дольше, семь лет, и имел от нее трех сыновей – Севера (Аллах-Яра), Клавдия (Омара) и мальчика, умершего в раннем возрасте, имя которого биограф Ермолова А. Берже не мог назвать. Тотай родила и дочь – Сатиат, или, как называли ее в кругу генерала, Софию-ханум.

Ака смирился с тем, что произошло с его дочерью, и часто ездил в Тифлис с сыном Джанкиши навестить Тотай и русского зятя.

В 1827 году Ермолов был отозван с Кавказа. Он пробовал убедить Тотай принять православную веру, но безуспешно. Тотай отказалась ехать с ним в Россию. Сыновья отправи-

лись с отцом в Москву, а Тотай с дочерью вернулась в Дагестан. В ауле Гелли она вышла замуж за Гебека, от которого имела сына Гокгоза и дочь Ниса-ханум.

Ермолов не забывал ни Тотай, ни дочь Сатиат. Бывшей гебинной жене он присылал 300, а дочери – 500 рублей в год. По тем временам это были очень большие деньги.

Тотай пережила Ермолова на 14 лет и скончалась летом 1875 года в возрасте 74 лет. Сатиат ушла из жизни в 1870 году, оставив после себя трех сыновей и четырех дочерей. Их судьбы сложились не совсем удачно.

Будучи в Дагестане, Ермолов облюбовал еще одну красавицу – Султанум, дочь Баммата из аула Буглен. У нее от генерала родился сын Исфендер. Она также была приглашена в Тифлис.

В дороге около станции Червленной случилось несчастье: умер Исфендер. Султанум, недолго думая, вернулась на родину. Спустя некоторое время она вышла замуж за Шейх-Акая, но вскоре он умер. Султанум пережила его всего на несколько дней.

Говоря о гебинных женах Ермолова, А. Берже писал: «В строгом смысле слова Алексей Петрович не переступал за пределы законов нравственности, хотя законы эти и не согласовывались, в данном случае, с учением христианской церкви»<sup>3</sup>.

... Из Грузии Ермолов прибыл с детьми в Москву, где жил в собственном доме. Более он не женился, но при себе Алексей Петрович имел крепостную девушку, которая ухаживала за ним до самой его смерти.

Уже на склоне лет Ермолову выпала честь стать защитником России в годы Крымской войны. Он командовал Московским ополчением.

Из всех генералов, которые воевали на Кавказе, а их было немало, Шамиль особенно ценил Ермолова. В 1859 году, когда имама Дагестана привезли в Москву и спросили, кого бы он желал видеть, Шамиль, не задумываясь, назвал Ермолова.

А. П. Ермолов скончался в Москве 12 апреля 1861 года на 85-м году жизни. Прах его покоится в г. Орле в особом приделе Троицко-кладбищенской церкви. Над его гробницей теплится простая чугунная лампадка с надписью: «Служащие на Гунибе Кавказские солдаты». В г. Грозном, там была его землянка, Ермолову, основателю города, установили бронзовый бюст, который потом был снесен.

Последним губернатором Дагестана оказался также Ермолов, потомок Алексея Петровича. Это был выхоленный человек, и носил он бороду а-ля Александр III. Супругой генерал-лейтенанта была графиня Бобринская из рода знаменитых сахарозаводчиков, отмеченных еще Екатериной II. Бобринская была прекрасна и лицом, и телом. Злые языки утверждали, что сохранять красоту ей удавалось с помощью нарзанных ванн, которые графиня принимала у себя дома в Темир-Хан-Шуре, не выезжая на Кислые воды.

Новый губернатор приехал в Дагестан в 1916 году, ровно через 100 лет после своего предка. Он приехал, чтобы заменить Вольского, которого переводили в Тифлис на повышение. В судьбу Ермолова вмешалась революция. В Темир-Хан-Шуре он узнал об отречении царя Николая II. В февральские дни 1917 года у скалы «Кавалер-Батарей», где находилась резиденция губернатора, собралась огромная толпа. По требованию народа Ермолов вышел к демонстрантам и вынужден был под красными знаменами пройти по улицам Темир-Хан-Шуры.

Находясь в Дагестане, он пытался найти потомков своего знаменитого предка Алексея Петровича Ермолова. Житель Буйнакса К. М. Чакальский рассказывал мне, что из аула Гелли к губернатору приезжали какие-то кумыки и Ермолов принимал их благосклонно и даже оказывал им материальную помощь.

---

<sup>3</sup> Русская старина. № 9. 1984. С. 528.

## О ней слагали легенды

В прекрасную дочь аварского владетеля Ахмет-хана Солтанет влюблялись многие, но ее внимание сумел привлечь только один человек. Им был кумыкский князь Аммалат-бек из аула Буйнак, племянник самого богатого на плоскости человека – шамхала Тарковского.

Сначала все складывалось как будто благополучно, но после одного случая отношения их были прерваны. Произошло это так. В 1819 году в сражении с войсками А. П. Ермолова между Левашами и Акушой дагестанцы были разгромлены. Среди взятых в плен оказался и Аммалат-бек, который до тех пор верил в свою неуязвимость. Ему грозила смертная казнь, но полковник Е. И. Верховский взял молодца на поруки, и А. П. Ермолов снизошел к просьбе своего офицера. Но при этом сказал: «Возьми его, но помни, не доверяйся ему, будь осторожен».

Четыре года полковник и молодой бек находились вместе. Часть времени они прожили в Тифлисе, часть в Дербенте, где Е. И. Верховский был назначен командовать Куринским полком. Все эти годы Аммалат-бек терзался двумя мыслями: стать мужем Солтанет и завладеть шамхальством Тарковского. Но девушка жила за семью горами у своего отца Ахмет-хана, а шамхалу царское правительство оказывало полное доверие и менять его на Аммалат-бека не собиралось.

В июле 1823 года в Мехтулинском ханстве вспыхнуло восстание. Для его подавления вышел из Дербента со своим полком Е. И. Верховский. С ним находился и Аммалат-бек. Когда добрались до Карабудахкента, пришло известие, что мятежники успокоились и разошлись. Полку дали отбой и приказали возвратиться в Дербент.

Поражение мехтулинцев привело Ахмет-хана в полное смятение, однако в голову его пришла коварная мысль. В глухих карабудахкентских лесах он тайно встретился с Аммалат-беком. Ахмет-хан сказал воспитаннику Е. И. Верховского: «Пока ты находился у русских, мы засватали Солтанет за старшего сына шамхала Тарковского». Наступила тягостная пауза, Аммалат-бек тяжело дышал:

– Слушай, – прервал молчание Ахмет-хан, – я могу еще взять свое слово назад. Солтанет будет твоя, но единственное условие для этого – смерть Верховского, только его голова может послужить калымом за Солтанет. Если ты убьешь Верховского, – продолжал сын Аварии с усмешкой, – поднимется весь Дагестан, и тогда... Тогда ты станешь шамхалом Тарковским!

Слушая Ахмет-хана, Аммалат-бек припомнил, сколько добра, отеческой заботы проявлял к нему полковник. А теперь от него требовали поднять руку на этого человека. Но своя беда всегда значительнее. Любовь может вдохновить не только на подвиги...

– Скажи, – как сквозь сон услышал он голос хана, – не говорил ли Верховский, что хочет взять тебя в Россию?

– Да, говорил, – удивленно подтвердил Аммалат-бек, – а что?

– А то, что тебя хотят заманить в Россию, а оттуда, как бывшего бунтаря и зачинщика мятежа, отправить в Сибирь.

– Не может этого быть! – воскликнул Аммалат-бек. – У Верховского в России свадьба. Он собирается предложить руку молодой вдове полковника Пузыревского.

– Да, ловко придумано! – засмеялся Ахмет-хан. И добавил: – Запомнишь, что я тебе сказал? Не хочешь, да запомнишь.

На другой день после этого разговора полк Верховского ночевал в Губдене, а 19 июля 1823 года с утра двинулся к Утамышу. Далеко впереди по узкой долине ехал полковник, рядом находился лекарь Апшеронского полка Амарантов. Лицо Верховского было грустным. Чуть позади них со своими нукерами следовал Аммалат-бек. Вел он себя странно: то пус-

кался вскачь, то на полном ходу осаживал лошадь, то по пустякам ругал слуг. Сейчас он был отчаянно одинок, на сердце у него было тяжело.

«Наконец, подходя к Утамышу, – писал военный историк Кавказа генерал-лейтенант В. Потто, – Аммалат-бек в последний раз пустил своего коня во весь опор и вдруг, выхватив на скаку винтовку из чехла, почти в упор выстрелил в Верховского. Пуля попала в сердце, и Верховский без стога свалился с коня».

Убийца бежал со своими людьми. В погоню отправился Эмирбек с всадниками, но, прибыв в Мекеги, узнал, что Аммалат-бек в этом ауле добыл свежих лошадей и ускакал в сторону Хунзаха. Ехать дальше не было смысла.

Тело полковника повезли в Дербент. Оказалось, что Аммалат-бек не уехал в горы, а несколько дней находился в окрестностях Дербента. В одну из ночей с местным жителем он отправился на русское кладбище. Второпях разрыл могилу, отрубил покойнику голову, кисть руки и, как сообщает В. Потто, «с этим кровавым калымом помчался к Хунзаху». Но Ахмет-хана там не оказалось. Хан Аварии, сорвавшись с кручи, вместе с конем погиб на дне пропасти. К моменту приезда Аммалатбека тело его уже предали земле.

Ханша, жена бывшего владельца Аварии, всегда ориентировавшаяся на Россию, приказала выпроводить Аммалат-бека из дворца, а страшная ноша была сброшена со скалы. После этого Аммалат-бек исчез из Дагестана, говорили, что он был убит при осаде Анапы в 1828 году.



## Измена

Знаменитую красавицу Солтанет – страсть Аммалат-бека – увидел в Тарках путешественник И. Березин в 1830 году. Женщина отказалась принять его, сославшись на головную боль. Когда же Березин заявил, что не уйдет, не увидев Солтанет, согласилась встретиться с ним. В небольшой комнате русского ждали две женщины: старуха и Солтанет.

На поклон путешественника красавица привстала и грациозно ответила милым поклоном, закрывая нижнюю часть лица кисейным рукавом платья.

Пол комнаты, где она приняла русского, устланы коврами, на одной стене висели два простых зеркала и маленький дагестанский кинжал с шашкой. Березину предложили сесть на стул. Может быть, впервые в своей жизни писатель пожалел, что не умел хорошо рисо-

вать. Оставалось только до мелочей запомнить внешность женщины, чтобы потом в своей книге описать ее, хотя никакие самые яркие эпитеты не могли помочь точно передать потрясающую красоту Солтанет.

На ней был кисейный платок и шелковый халун. «Стан ее сделал бы честь любой красавице», – сообщал путешественник. Ей было лет тридцать, но, несмотря на то, что природа обошлась с ней благосклонно, она сурьмила выразительные глаза. За все время свидания она только раз улыбнулась, обнажив свои красивые зубы. Ее рассмешил костюм иноземца. Чтобы расположить к себе, приезжий заявил, что он из татар. Слова эти не тронули Солтанет. Гость сожалел, что сказал неправду. Пауза затягивалась. Чтобы красавица не ушла, приезжий спросил:

– Я думаю, вам здесь скучно?

– Да, – ответила Солтанет, – я здесь скучаю. Было время, когда она ездила к морю с женой коменданта Низового. Теперь нет.

Березин знал, что 33-летний Абумуслим Тарковский, муж Солтанет, бросил ее, женился на молоденькой девушке и переселился в Казанище.

Длительная аудиенция считалась неприличной, и путешественник, откровенно любясь женщиной, напоследок спросил, почему она не хотела его принимать.

– Потому, – отвечала Солтанет, – что все норовят влезть мне в душу, спрашивают о любви к Аммалат-беку. Был здесь и ваш Полежаев. Я ему указала на дверь...

Путешественник далее сообщает, что знаменитая ханша общалась с простыми людьми и даже принимала русского врача, лечилась у него. Женщина великолепно сохранилась и имела «гибкий стан кипариса».

Березин, извинившись, покинул дом. Во дворе сияло солнце, в тени дерева играли дети Солтанет, девочка трех лет и мальчик семи, своим шумом заполняя все вокруг. Они были милые создания, но выпачканные в грязи.

И вдруг Березин заметил, как из комнаты, грациозно ступая по лестнице, спустилась Солтанет. Увидя гостя, своим нежным голосом позвала детей и вернулась обратно. Навсегда скрылась в сакле, закрыв голову и лицо платком так, что был виден один кончик маленького носа. Эту сценку и разговор с женщиной путешественник запомнил на всю жизнь.

Умерла Солтанет в Дербенте. На мусульманском кладбище над самым морем находится ее могила. Только сегодня вряд ли кто знает, где именно покоится дочь аварского хана.

О Солтанет, ее красоте и трагической истории ее любви долго в горах бытовали легенды. Долгое время сохранялось как реликвия и платье красавицы. Оно было великолепно отделано и украшено и передавалось из поколения в поколение как фамильная ценность.

...Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, будучи в Дагестане, написал повесть «Аммалат-бек» о жизни отпрыска шамхала Тарковского и его возлюбленной – несчастной Солтанет.

## Шуанет

Во второй половине 1840 года генерал-лейтенант Галафеев отправился в рейд по Чечне: наказать непокорные аулы. Чтобы задержать карательную экспедицию, в глубокий тыл противника с 4-тысячной конницей рванулся знаменитый наиб Шамиля Ахверди-Магома.

Переходы были большими. Горцы, с детства приученные по многу часов находиться в седле, отлично выдержали экзамен. 28 сентября 1840 года четыре тысячи всадников туманным утром подошли к Тереку и заняли позицию. Со стен ударили пушки. Ахверди-Магома не сумел захватить крепость и вернулся в горы. Наиб должен был получить строгое порицание от имама.

И все-таки Ахверди-Магома торопился домой как никогда. Он вез Шамилю бесценный подарок. По дороге в Ставрополь горцы остановили экипаж. В нем жались друг к другу десять человек – семья московского купца 1-й гильдии Ивана Улуханова. Внимание мюридов сразу же приковала к себе удивительной красоты девушка, дочь купца Анна. На вид ей было 17–18 лет.

Есть и еще одна версия того, как Анна Улуханова стала пленницей. Личный секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир ал-Карахи пишет: «Мюриды застали ее молящейся в церкви, когда все жители в панике бежали из города по направлению к Ставрополю. Ее пленные спутники сообщили Ахверди-Магоме, что она была невестой старого русского генерала»<sup>4</sup>.



---

<sup>4</sup> Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Три имама. Вып. 45. Махачкала. С. 130.

## Шуанет

«Я была взята в плен вместе со своими родными», – рассказывала впоследствии сама Шуанет.

Приехав к имаму, Ахверди-Магома поведал о неудачах под Моздоком и, чтобы смягчить Шамиля, приказал ввести Анну Улуханову. Красота армянки потрясла имама.

*И каждый бы сделал наибшей,  
Любимой назвал бы женой  
Затем, что и в битве погибший  
Жены не заслужит такой*<sup>5</sup>.

Грузинские княгини, бывшие в плену у Шамиля, от самой Шуанет слышали о дальнейших событиях: «Долго мы томились в неволе, но, наконец, родные мои были все освобождены ценою выкупа... Шамиль не отпустил только меня, но я согласилась пожертвовать собою ради родных... В это время меня склоняли к принятию ислама, но, впрочем, не приневоливали. Я долго не соглашалась отказаться от своей веры, но, когда увидела и ближе узнала Шамиля, он мне понравился, и тогда из любви к нему я решилась на все... Теперь мне хорошо»<sup>6</sup>.

Анна Ивановна, разумеется, должна была изменить имя. Говорят, Шамиль в это время прочитал в какой-то книге рассказ о благочестивой женщине Шуанет.

*...Над строгой строкою Корана  
Дала она вечный обет,  
И стала красавица Анна  
Женой Шамиля – Шуанет.*

Имеется немало свидетельств, говорящих о необыкновенной красоте этой женщины. Грузинские княгини при первой же встрече нарисовали ее портрет следующими красками: «Это была женщина лет 30, белая, полная, очень свежая, хорошенькая... Имя ее Шуанет».

---

<sup>5</sup> Брик Б. Шамиль. Л., 1940. С. 55.

<sup>6</sup> Вердеревский Е. А. Кавказские пленницы, или в плену Шамиля. М., 1857. С. 237–238.



### **Зайдет – жена Шамиля**

Вместе с княгинями Орбелиани и Чавчавадзе в плену находилась француженка госпожа Дрансе. По приезде домой она выпустила в Париже книгу, где уделила также место для жены имама Дагестана: «Шуанет среднего роста, – писала госпожа Дрансе, – трудно встретить женщину, у которой губы были бы красивее, нежели у нее, волосы нежнее, кожа белее»<sup>7</sup>.

«Она действительно прекраснейшей наружности», – с восторгом сообщал Илико Орбелиани, видевший жену Шамиля в 1842 году. Князь упрекал Шуанет в том, что она забыла веру, родных и свое отечество. Шуанет же уверяла Орбелиани в своих глубоких чувствах к родине и родственникам, но с не меньшей гордостью говорила о своей любви к Шамилю.

«Она любит Шамиля, – констатировали сестры-грузинки, – любит глубоко и искренне». Княгини спросили у Шуанет: «У Шамиля кроме тебя есть еще другая жена – Зайдет. Как же ты терпишь?»

– У меня к вам вопрос, – отвечала Шуанет, – я точно знаю, что у Шамиля кроме меня есть еще Зайдет. А вот знаете ли вы, кто кроме вас есть у ваших мужей?». Вопрос этот крайне смутил княгинь, но через минуту они дружно засмеялись. К ним присоединилась и Шуанет.

Однажды во время разговора с Шуанет они услышали слова, скорее похожие на исповедь: «Я была прежде в России и хотя была очень молода, однако уже кое-что понимала. Я из большого семейства, видела многих и слышала многое... И что же? Уверяю вас, что Шамиль хоть и татарин, но, право, лучше иного христианина»<sup>8</sup>.

<sup>7</sup> Пленницы Шамиля. Воспоминания госпожи Дрансе. Тифлис, 1858. С. 98.

<sup>8</sup> Вердеревский Е. А. Кавказские пленницы, или в плену Шамиля. М., 1857. С. 181.

Дрансе отмечала: «Но надо послушать Шуанет, когда она говорит: «Шамиль», надо следить в это время за изменениями ее физиономии... надо слышать, с каким наслаждением она произносит это любимое имя!»<sup>9</sup>.

«Вот уже минуло 15 лет, как я сделалась женою его, – признавалась Шуанет Дрансе, – но я проливаю слезы только тогда, когда он бывает в походе и не присылает за мной. Если я в чем-нибудь провинюсь, он никогда не показывает недовольного вида, а обращается со мною ласково, как с ребенком...»

Шамиль иногда уступал ее желаниям. И тогда Шуанет, закутанная в чадру, садилась на лошадь и в сопровождении большого конвоя отправлялась к месту боевых действий. Жила она в палатке мужа, куда с минуты ее приезда вход посторонним был категорически воспрещен. Их любовь была взаимной. Шамиль чувствовал себя юношей, когда видел Шуанет.

Царицею сердца имама бесспорно являлась только она – это признавали все.

«Нередко, – рассказывал по возвращении на родину князь И. Орбелиани, – она (Шуанет. – Б. Г.) заставляла степенного имама прыгать с собою по комнате»<sup>10</sup>.

Жена Шамиля была добра и проявляла заботу обо всех, кто в ней нуждался. По ее просьбе имам приказал улучшить питание пленных, разрешил грузинским княгиням выходить на веранду подышать свежим воздухом. Нередко она тайком приносила какие-либо сладости их детям. Жизнь пленниц скрашивалась ее рассказами, советами и добрыми известиями с их родины – Грузии. «Я имела счастье понравиться ей, – писала госпожа Дрансе, – и благодаря этому я ни на минуту не была разлучена с княгинями».

Шуанет никогда не интересовалась причинами войны, ее не занимала политика. Ей не доставало не только лукавства, но даже маленькой хитрости. Весь круг ее интересов сошелся, как бы в фокусе, на личности Шамиля. Вне его как будто не существовал мир.

«Шуанет не занимается ничем, – заметили пленные княгини, – кроме красоты своей, ничего не придумывает, кроме новых и всегда новых средств для развлечения или утешения мужа, которого она любит глубоко и искренне».

Когда Шамиль уходил в поход, Шуанет молилась, держала уразу и непрерывно страдала. Женщина боялась войны, потому что она отнимала у нее любимого человека и могла его убить. Но Шуанет думала и о других.

«Не понимаю, чего ищут люди! – часто говорила она. – Зачем они воюют, когда могли бы жить мирно и счастливо со своими семьями?».

Супруга имама знала армянский, русский, кумыкский и аварский языки. На двух последних она изъяснялась со своим мужем, доставляя ему необыкновенное удовольствие. Родители ее были люди очень богатые. Они предлагали за свою Анну самый дорогой выкуп, но Шамиль об этом и слышать не хотел. Казалось, предложи ему и полмира, он не расстался бы с Шуанет.

Однажды, когда очередная попытка выкупить Шуанет ни к чему не привела, родственники попросили разрешения хотя бы увидеть ее. Такое разрешение было дано двоюродному брату Шуанет Минаю Атарову. В первых числах мая 1848 года Минай прибыл в крепость Воздвиженскую. В пяти километрах от крепости его переодели в черкеску и дали полное вооружение. Затем Минай встретили люди Шамиля под командованием наиба Дуба. С большими трудностями на седьмой день Атаров прибыл в Ведено.

На третий день после приезда его принял имам. С Шамилем были и другие гости, в основном наибы. Подали плов. Вдруг все сделались хмурыми. На скатерти появилась халва. Она была вкусно приготовлена, но Минай почти не дотронулся до еды. Он видел зловещие взгляды сидевших вокруг него людей и забеспокоился. Ему сказали, что халву специ-

---

<sup>9</sup> Пленницы Шамиля. Воспоминания г-жи Дрансе. Тифлис, 1858. С. 54.

<sup>10</sup> Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Махачкала, 1959. С.421.

ально для него приготовила Шуанет. Сделав над собой усилие, он взял еще один кусок. В это время появился молодой горец и что-то сказал по-аварски, все заулыбались и стали наперебой предлагать гостю то или иное блюдо. О причинах перемены настроения набов гость узнал чуть позже. Оказалось, что все это время из соседней комнаты в буфетное окно за ним наблюдала Шуанет.

– Вы с ума сошли! – сказала она. – Что это за брат?

Присутствующие начали думать: не шпион ли под видом брата Шуанет прибыл в их стан?

Однако Шуанет также могла ошибиться, ведь она видела брата в последний раз восемь лет назад. Минаю стали задавать вопросы, попросив отвечать громче. Он удивленно разглядывал соседей и недоумевал, почему надо кричать, разве они страдают глухотой и не слышат его? Все сидели молча и сосредоточенно. Громкий голос Миная признала, наконец, Шуанет.

– Это узаур-гардашим, – сказала она. Вот тогда-то и вошел молодой горец, после слов которого «лед тронулся».

На следующий день Миная водили по аулу, показывали достопримечательности, в том числе завели к часовщику, который за несколько минут как нельзя лучше вставил стекло в его часы. Минаю позволили осмотреть и пороховой погреб. В тот же день состоялась встреча с сестрой. При встрече с ней было еще шесть женщин.

Уселись на тахте и стульях. Все приветствовали гостя. Минай заговорил по-армянски. Но Шуанет отвечала на кумыкском языке. По просьбе брата она открыла лицо. Он видел, что сестра еще более похорошела. Вспоминали родных и близких. Услышав шорох, Шуанет быстро закрыла свое лицо. Вошел Шамиль. Сопровождавший Миная Агий-Аджи приложился к руке имама, но гостю этого сделать не дали. Теперь разговор пошел о здоровье, о дороге. Тут Минай вручил сестре золотые дамские часы. Шамилю также часы с золотой цепочкой. Его поблагодарили. Через полчаса имам ушел. Шуанет снова открыла лицо. Увидя среди угощения виноград, брат удивился: «В мае – свежий виноград?!» – «Здесь умеют хранить», – объяснила сестра. Свидание продолжалось до вечера. Когда вышли на улицу, Агий-Аджи попросил никому о форме свиданий с Шамилем не говорить.

14 мая 1840 года брат Шуанет в сопровождении 13 мюридов и наиба Дуба пустился в обратный путь. Минай ехал на великолепном скакуне, подаренном ему Шамилем.

Шуанет была рядом с мужем и на Гуниб-горе. 25 августа 1859 года она снова попала в плен, но на этот раз уже к «своим».

Как уже известно, Темир-Хан-Шуру первыми покинули имам и сын его Кази-Магомед. По дороге и по приезде в Калугу Шамиль все время беспокоился, что родственники Шуанет могут приехать из Моздока в Темир-Хан-Шуру и забрать ее. О его переживаниях, разумеется, хорошо знал пристав, полковник Богуславский. Он как-то спросил Шамиля, что, если бы Шуанет снова сделалась христианкой, взял бы он ее к себе как жену?

– Возьму, – быстро отвечал Шамиль.

– А она пойдет ли к вам с охотой?

Шамиль смутился, но ненадолго.

– Пойдет! – сказал он твердым голосом.

В Моздоке один из братьев Улухановых на самом деле предложил Анне оставить Шамиля. Но его предложение она отвергла. Поняв, что ее решения не изменить, Улухановы тепло приняли семью Шамиля.

В январе 1860 года экипажи с родственниками имама подъезжали к Калуге. Чуть раньше прибыл Мухаммед-Шеффи. Имам спросил о здоровье путешественников, кто едет и кто не едет. И, как рассказывала жена губернатора М. Н. Чичагова, «каждый раз, что Шамиль

произносил женское имя, глаза его опускались, но они метали искры, когда Шеффи рассказывал, что лошади всю дорогу благополучно везли Шуанет...»<sup>11</sup>

В трудные годы долгого плена Шуанет была Шамилю не только женою, но и самым верным другом. Если в свое время она училась у мужа понимать Дагестан, то теперь в России они поменялись ролями. О беспредельной преданности Шамилю и в то же время о детской наивности Шуанет говорит такой факт.

Предводителем дворянства в Калуге являлся некто Шукин, сын которого много лет назад служил в уланском полку вместе с Джамалудином – старшим сыном имама. Видимо, поэтому Шамиль с симпатией относился к предводителю дворян. Женщины семейства Щукиных в знак дружбы подарили женской половине семьи Шамиля свои фотографии. Русские дамы, в свою очередь, захотели получить фотографии горянок. Но как это сделать? Ведь горянки не должны показывать свое лицо постороннему мужчине! Выход все-таки нашелся: фотографировать жен имама взялась супруга мастера. И вдруг перед съемкой Шуанет залилась слезами. Это случилось, когда она увидела драгоценности, украшавшие Зайдет. Оказалось, что в день пленения Шамиля на Гунибе Зайдет позаботилась о себе и спрятала драгоценности, полученные от княгинь Чавчавадзе и Орбелиани. А Шуанет, объятая горем, была занята только своим мужем. Она страшно боялась, что больше его не увидит. И вот теперь женщина не хотела фотографироваться без бриллиантов.

Кто виделся с Шуанет в Калуге, также отмечал ее внешнее обаяние.

«Шуанет, – писала жена губернатора Калуги М. Н. Чичагова, – сохранила следы красоты, молодости и отличалась... скромностью. Цвет лица ее нежный, щеки румяны... черты лица правильные, глаза голубые, и вообще вся наружность ее была симпатичная... Неудивительно, – сообщала далее губернаторша, – что она была царицей сердца Шамиля и что он не отдал ее за миллион родным».

Сохранилось письмо, написанное на русском языке рукой Шуанет. Адресовано оно в Моздок родному брату – Якову Ивановичу Улукханову. Письмо дает возможность в какой-то мере заглянуть в мир ощущений жены Шамиля и как бы прикоснуться к ней самой.

«Любезный братец, – писала из Калуги в мае 1860 года Шуанет, – с большим удовольствием пользуюсь предстоящим случаем, чтобы засвидетельствовать вам мое глубочайшее почтение и родственную любовь. Имам, муж мой, также свидетельствует Вам свое почтение.

...Письмо это вам доставит Казии-Магомед. Прошу Вас, любезный братец, а также и всех наших родственников, оказать ему такое же гостеприимство как бы мне самой... Ваше внимание и гостеприимство, которые вы окажете Казии-Магомеду, мы будем считать большим для себя одолжением.

Жизнь наша в Калуге продолжается по-прежнему в совершенном довольствии и спокойствии.

...Наш прекрасный дом сделался еще лучше. Из него можно видеть на очень далекое пространство и... везде... видим мы зеленые горы, зеленые леса и много деревень, окруженных зеленью. Я не знаю, чего еще желать: мы счастливы.

...Вместе с тем прошу вас убедительно не отказаться написать к нам когда-нибудь хотя несколько строчек: ваши письма доставят нам большое удовольствие.

Остаюсь любящая вас сестра... Шуанет, жена Шамиля»<sup>12</sup>.

Это письмо с русским текстом подписал и имам со следующими словами: «Нуждающийся в помощи божьей чужестранец Шамиль».

---

<sup>11</sup> Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. – СПб, 1884. С. 152.

<sup>12</sup> Дневник полковника А. Руновского. С.121–123.

Шуанет осталась со своим мужем до конца. Вместе с ним она выехала из России, посетила Джидду, Мекку, а 4 февраля 1871 года похоронила его в Медине. В этом городе закончилась 30-летняя совместная жизнь ее с Шамилем.

После смерти Шамиля Шуанет была свободна и могла возвратиться к своим родственникам. Но она осталась верна памяти мужа.

Что же дальше? В июне 1871 года пришло письмо от А. И. Барятинского. Князь приглашал Шуанет с семьей в Россию. В том же месяце 14 числа в Мекке было написано ответное письмо, начинающееся словами: «От скорбящей Шуанет его сиятельству князю Барятинскому. Привет тебе и твоей супруге». Затем вдова Шамиля извещала: «Письмо твое облегчило сердце мое... Муж мой покойный и покойная дочь завещали мне не покидать так скоро их могилы. Во всяком случае, знаменитый фельдмаршал, не забывай меня и удели мне место в твоих благодеяниях. Поручаю тебе любезного сына моего Кази-Магомеда. Просьбу эту я обращаю к тебе из глубины моей скорби. Приветствую тебя еще раз. Скорбная изгнанница Шуанет».

После приезда Кази-Магомеда в Мекку она перебралась в Константинополь и жила там с детьми своего мужа. Говорят, что султан Турции определил ей пенсию до конца жизни. Умерла Шуанет через 6 лет после смерти Шамиля, в 1877 году, в возрасте 54 лет. Могила ее находится в Константинополе (ныне Стамбул).

## Каримат

Все, кто видел Каримат, дочь наиба Даниель-бека Елисуйского, считали, что у нее лицо небесной красоты. Детство ее прошло в Закачалах, бывала она и в Тифлисе. Владела своим родным аварским, кроме того, русским и грузинским языками.

Пребывание в Грузии и встречи с образованными людьми в определенной мере повлияли на внутренний мир девушки. Она не верила легендам и сказкам из святых книг, о чем имела смелость открыто говорить, за что считалась безбожницей.



### **Даниель-бек султан Елисуйский**

Одевалась девушка изысканно, чему отец ее Даниель-бек не препятствовал. Держалась независимо, и не всякий мог быть удостоен ее внимания. Перед именитыми кунаками она могла нарочно предстать «искусной соблазнительницей», но, к ее чести, надо заметить – определенную черту она никогда и никому не позволяла переходить.

Когда Даниель-бек в 1844 году изменил царскому правительству и перешел к Шамилю, встал вопрос и о соединении Каримат с сыном имама Кази-Магомедом. Брак для Даниель-бека имел чисто политическое значение, хотя будущие муж и жена относились к этому совершенно по-разному. Сын Шамиля был влюблен в дочь Даниель-бека. В его глазах она выделялась не только красотой лица и загадочностью сверх меры. В отличие от других горянок, одевалась Каримат совершенно по-иному, была опрятна и казалась недоступной, как снежная вершина. Каримат проявляла к Кази-Магомеду полное безразличие и не вышла бы за него замуж, если бы не настаивал отец, которому она скрепя сердце покорилась.



**Каримат – дочь Даниель-бека, невестка имама Шамиля**

У Шамиля невестка не вызывала особых симпатий. И только просьба сына заставила имама пойти на родство с семьей Даниель-бека. Имам видел, что Каримат не любит его сына и занята больше нарядами и собой. Прямо скажу, Каримат не была подарком для семьи мужа. Жила она в резиденции мужа в селении Карата. И лишь изредка, по какому-либо чрезвычайному случаю, могла быть приглашена в Ведено. Она, пожалуй, была единственным человеком, который мог послушаться имама. Строгий наказ имама женщинам одеваться как можно проще и скромнее будто и не касался ее. Обычно на ней было белое тонкое платье, отделанное золотыми петлями и пуговицами, шелковый платок, атласный архалук, уши ее украшали серьги в виде полумесяца из золота с драгоценными камнями.

В марте 1855 года по случаю скорого приезда старшего сына имама Джамалудина Кази-Магомед с женой были вызваны в Ведено. Все семейство имама и любопытные высыпали на балконы. Во двор шамилевской резиденции Каримат въехала на лошади, сидя по-мужски. Одетая она была в соболью шубу, крытую старинной золотой парчой.

Белый платок из тонкого материала спускался с головы на спину. Лицо закрывала густая вуаль, также вышитая золотом. Ехала она грациозно и сошла с лошади не менее достойно.

Вся женская половина приветствовала Каримат теплыми словами. Шамиль же удивился ее неповиновению и сказал недовольным тоном: «Любезная Каримат, мне очень приятно тебя видеть, но неприятно заметить, что жена моего сына не изменила своим привычкам и по-прежнему продолжает одеваться в дорогие наряды. Мне кажется, что золотое покрывало совершенно не нужно, особенно здесь, где простота соблюдается всеми». Никто не услышал, что отвечала Каримат, но что она не изменила своим вкусам и привычкам, все видели впоследствии.

Соединившись с ней, Кази-Магомед не сделался особенно счастливым. Он видел безразличие жены к себе, но побороть свою пылкую любовь к Каримат так до конца жизни и не сумел.



**Кази-Магомед с женой Каримат**

Когда Шамиль в 1859 году отступал из Ведено, через Карату шел в Гуниб, туда следовал также Кази-Магомед с женой. Отец Каримат Даниель-бек к этому времени уже перешел на сторону А. Барятинского и делал все, чтобы вернуть свою дочь. Попытка не увенчалась успехом. В дни осады Гуниба Каримат находилась среди людей Шамиля, хотя особой пользы от нее нельзя было ожидать. Напротив, есть сведения, что она через своего слугу передала русскому командованию сведения о положении осажденных.

Во время сдачи Гуниба Даниель-бек у всех на глазах отвел свою дочь в лагерь Барятинского. Но имам, в ту минуту занятый своими мыслями, не обратил особого внимания на бестактность перебежчика. Когда в Темир-Хан-Шуре Даниель-бек хотел удержать свою дочь при себе, имам пришел в ярость и хотел убить предателя. Каримат осталась с отцом.

Как известно, Кази-Магомед сопровождал Шамиля в Россию. Они поселились в Калуге. Через 4 месяца прибыла вся семья имама. Отсутствовала только Каримат. Кази-Магомед не находил себе места, и, невзирая на условности, которые тогда существовали между отцами и сыновьями, он откровенно признался Шамилю в своем большом чувстве к жене. Шамиль понимал сына, жалел его и, хотя знал, что Каримат не может принести счастья, разрешил Кази-Магомеду поехать за ней. Кстати, этому проекту не противилось и русское правительство.

5 мая 1860 года, получив благословение отца, Кази-Магомед выехал в Дагестан. Шамиль все время с тревогой думал, насколько успешно закончится поездка сына и вернет ли Даниель-бек дочь законному супругу. Шли дни за днями, волнение росло. Наконец, имам не выдержал, 31 мая вызвал к себе пристава А. Руновского и спросил, как долго может находиться в дороге Кази-Магомед. Тот отвечал, что все зависит от обстоятельств на месте, а дорога может занять от одного до трех месяцев. Шамиля волновало и другое: надо было подыскать квартиру для сына и его жены. Когда он сказал об этом вслух, Руновский крайне удивился. Пристав спросил, не с ним разве будет жить родной сын? Имам высказался в том

смысле, что Каримат – враг его сыну и ему самому. «До сих пор я знал, – заявил Шамиль, – что Кази-Магомед очень любит свою жену, что она отравит или его, или меня, или сделает какую-нибудь гадость»<sup>13</sup>.

В данном случае Шамиль был несправедлив. Вероятно, неприязнь к Даниель-беку, независимый характер его невестки и ее нелюбовь к Кази-Магомеду вызывали у имама досаду и, в свою очередь, неприязненное чувство к Каримат. Как бы то ни было, Шамиль считал, что им нельзя жить под одной крышей.

Кази-Магомед задержался в Дагестане гораздо дольше, чем предполагалось, и вернулся в Калугу лишь 16 августа 1860 года. Общественное мнение и некоторый нажим местных властей поставили Даниель-бека в такие условия, что он волей-неволей должен был отпустить дочь свою в Россию. Женская половина дома, относящаяся с завистью к тому, что им недоступно, встречала ее сдержанно и без особого восторга.

А вот какое впечатление она произвела на казначея Шамяля Хаджио. В разговоре с приставом Руновским он говорил: «Такой красавицы, как Каримат, нигде нету! В Петербурге нет, в Москве нет, в Харькове нет. Кази-Магомед был в театре: там много красавиц... такой нет. И на Кавказе нет! Одна роза такая».

Каримат и Кази-Магомеду по распоряжению Шамяля выделили флигель, в котором буквально через месяц после этого события приезжая заболела. Домашний врач объяснил болезнь Каримат последствием золотушного худосочия. На родине болезнь проявляла себя незначительно и уступала домашним средствам. В Калуге же, где Каримат жила в сыром флигеле, да еще безвыходно, недуг усилился. Женщина не видела солнца, мало бывала на воздухе. К ней неприязненно относилась жена Шамяля Зайдет, Каримат отвечала ей тем же. Она неумеренно употребляла, как и другие дагестанки в Калуге, уксус и лимоны, что, как говорили, также усугубило болезнь. Главной же причиной ее состояния была тоска по родине. Так признал врач.

К февралю 1861 года Каримат стало худо. Болезнь прогрессировала. Потерявший голову Кази-Магомед не знал, как спасти любимую жену. Доктор сказал, что повлиять на ее состояние вряд ли теперь чем-либо можно и что она страдает неизлечимой болезнью. Каримат настолько исхудала, что уже нельзя было признать в ней былую красавицу. Она перестала есть, улыбаться, лежала в постели, отрешенная от всего мира, безразличная к мужу, который по-прежнему ласкал ее, называя нежными именами. В мае 1862 года 25 лет от роду она умерла. По просьбе Даниель-бека Каримат решено было похоронить в городе Нухе. За счет государства ее везли в железном саркофаге. Тело умершей сопровождал офицер Гузей Разумов.

После того, как не стало Каримат, Кази-Магомед долго страдал, очень похудел. Многие думали, что и у него началась чахотка. Однако врачи ничего опасного не нашли, но глубокий след на сердце от потери любимого человека у сына Шамяля сохранился на всю жизнь.

\* \* \*

За выдающийся военный и административный талант Шамиль назначил Галбац-Дибера Каратинского главою четырех наибств. Не раз он получал от имама благодарность за свои действия. И, скажем, такие указания, как нижеприведенное письмо:

«От Шамяля к дорогим братьям, кадию Галбацу, всем его сподвижникам и друзьям. Привет вам и милость».

---

<sup>13</sup> Дневник полковника А. Руновского. С.150.

А затем. Выселите из сел. Хунзах сто пятьдесят дворов сторонников нечестивых в места, где есть наибы. Остальных же расселить по окружающим аулам искренних мусульман. Затем, Галбац, я разрешил тебе взять два орудия в твой вилает. Все».

Галбац-Дибир знал себе цену, был своенравен и нередко мог вскипеть и обидеть зазря человека, даже не разобравшись, виноват он или наговорили на него. Может, поэтому, а может, еще по каким-либо другим причинам имам освободил его от всех должностей, передав устно через людей такие слова: «Пусть дома отдохнет!». На его место наибом в Карату Шамиль назначил шамхала Хелетурина, вскоре заменив его своим сыном Кази-Магомедом.

...Как-то в Карате хоронили человека. Жена Кази-Магомеда, несравненная красавица Каримат, со своего балкона наблюдала за скорбной процессией. С высоты двухэтажного дома ей видно было все как на ладони.

Вдруг Каримат встрепенулась. Среди хоронивших людей она обратила внимание на юношу, месившего босыми ногами грязь. Не задумываясь о последствиях, она отправила прислугу узнать, кто этот молодец с такими привлекательными чертами лица и белой, как у девушки, кожей.

– Сын бывшего наиба Галбац-Дибир, – отвечали ей, – зовут Хадисом.

Слух о том, что жена Кази-Магомеда заинтересовалась молодым человеком, как многоголосое эхо в горах, разошелся по Карате и ее окрестностям.

Рано или поздно слух этот докатился и до ушей ее мужа Кази-Магомеда. Он как бы между прочим поговорил с Хадисом, оставил его в покое, а через нарочного отослал Галбац-Дибирю письмо следующего содержания: «От огорченного Кази-Магомеда дорогому и одаренному Галбац-Дибирю привет. А затем. Мною был приглашен... Хадис. Я ему рассказал многое, что было секретом для других, но мои назидания он не принял и за мною не пошел, потому я остался им очень расстроенным. Я считаю, что сейчас мы должны не ссориться, а продление разговора может привести к разрыву отношений. Остальное вам расскажет тот, кто передаст письмо вам».

О носившихся в воздухе слухах и сплетнях узнал, конечно, и Шамиль. Он решил, что будет мудро не оставлять Хадиса на родине. Если у молодых людей появился интерес друг к другу, то действенным лекарством, думал имам, будет их разлука. Хадиса зачислили в телохранители Шамиля и перевели в столицу имамата Ведено.

Проходит какое-то время, и Галбац-Дибир неожиданно извещают о том, что его сын Хадис сильно захворал, поэтому ему следует прибыть в резиденцию имама.

Почувяв недоброе, Галбац-Дибир сел на лошадь и в одиночку отправился в Чечню через Андийский перевал.

Люди подсказали ему, в каком доме следует искать Хадиса. Он постучал в дверь, однако никто не ответил. Галбац-Дибир вошел в саклю и нашел мертвого сына. На его теле он обнаружил темные пятна, рану. Галбац-Дибир не кричал, не звал на помощь, помнил, где находится и как должен вести себя.

Ударом ноги он сломал хребет сыну, вдвое сложил мертвое тело его в мешок.

– Вот подарок нам от имама, – объявил он своей жене Тамари.

Хадиса предали земле без шума. Прекрасная Каримат из своего окна снова видела, как на кладбище копошатся люди – на балкон она на сей раз не вышла. Страх, охвативший ее несколько дней назад, сковал тело железным обручем. Она старалась отогнать страшное предчувствие! Идет война, и мало ли кого на ней убивают – на всех сердца не хватит.

Хотя Галбац-Дибир категорически запретил распространяться о случившемся, по кривым улочкам ползли самые разные слухи, в которых, что – правда, а что – кривда, никто не мог разобраться.

Вероятно, все это толкнуло сына имама обратиться к отцу Хадиса со следующим письмом: «От огорченного Кази-Магомеда дорогим родителям Галбацу и жене Тамари привет. Пусть бог даст вам спокойствие. Когда по подозрительной причине кончилась жизнь моего душевного брата Хадиса и его считанные дни прошли... Я не в состоянии понять то, что говорят окружающие меня люди... Пусть бог очищает грехи погибшего и увеличивает вам милость. Хадисы и аяты о божьем предопределении и вам самим известны...»

Из второй половины письма становится ясно, что его автор понимает, насколько родителям Хадиса тяжело, они могут объявить ему вражду, однако пусть не стараются унижить его, Кази-Магомеда, как человека и его деятельность как наиба Каратинского...

В начале осени 1859 года Шамиль, потеряв все надежды на победу над царскими войсками, стал перебираться из Чечни в Дагестан. Одну из ночевок по пути в Гуниб он устроил в Карате.

Жители аула на этот раз не выразили того восторга, как бывало в прошлые годы. Они даже старались не покидать свои сакли, свои дворы, будто забыли обычаи предков: приходить на помощь людям, попавшим в беду. Только Галбац-Дибир отправился провожать имама в путь.

А в это время его родственники сговорились убить Шамиля, когда тот спустится в ущелье Рехани. Галбац-Дибир не только не согласился с ними, но и резко их осудил. Он сказал: «Я верой и правдой служил имаму. То, что вы собираетесь сделать, опозорит наш тухум в Дагестане и Чечне. Если вы не собираетесь отказаться от своего плана, то сперва убейте меня, затем Шамиля».

Месть не состоялась, и Галбац-Дибир вместе с другими поднялся на Гуниб-гору. Как и другие, он перенес все тяготы обороны. Во время переговоров, когда Лазарев захотел, чтобы Шамиль сдал оружие, наиб Муртузали стал вытаскивать из ножен кинжал, но Галбац-Дибир остановил его словами: «Имей терпение!». Вслед за этим он обратился к имаму: «Наши прадеды говорили: у кого много богатства, у кого сладкий язык, тот должен идти впереди. У тебя сладкий язык – иди ты, Шамиль, впереди!».

Шамиль ушел с Юнусом к А. Бяратинскому.

После развязки долгого противостояния в Гунибе Галбац-Дибир вернулся в Карату, но не успел от долгого пути отдохнуть, получил от Кази-Магомеда такое письмо:

«Дорогому Галбац-Дибирю и членам вашей семьи привет. А затем. Желая, чтобы вы были здоровы... Я до сих пор не сумел разгадать характер людей. До этого года никак не мог различать грязное от чистого. Я, оказывается, был похож на человека, державшего змею за пазухой. Ох, как жаль, что раньше я не знал об этом. Мы находимся в большом огорчении, что не с таким уважением отнеслись к вам и не позаботились о вашей работе. Наш отец того же мнения. Как бы тяжело не было случившееся от нас, мы просим тебя простить того, что не должно было случиться...»

Сегодня мы выезжаем в Петербург. Надеемся на бога, что наше положение улучшится. Крепость Шура, 1276 г. Сапар месяц».

Заканчивая рассказ о каратинской трагедии, я прихожу к мысли, что на самом деле дыма без огня не бывает.

Из слов моего собеседника, потомка Галбац-Дибиря, из писем Кази-Магомеда и Шамиля к этому человеку улавливаешь, что жена сына имама, Каримат, видимо, на самом деле увлеклась сыном Галбац-Дибиря Хадисом. Последний также оказался в плену несравненной женщины, что привело к большому несчастью, о чем я попытался вкратце рассказать.

Шамиль и Кази-Магомед, насколько я разобрался, раскаялись, а сумели ли Галбац-Дибир и его родичи простить их – мне неизвестно.

## Внучки Шамиля

Старшей дочерью сына Шамиля – Магомеда-Шеффи и его жены Марьям была Патимат-Заграт. Шатенка, круглолицая, с темными глазами, она была среднего роста. В характере Патимат-Заграт чувствовалось, что в ней, кроме аварской, течет еще кровь матери – татарская. Великолепно ездила на лошади. Одевалась на манер русских барышень.

В Петербургском институте благородных девиц Патимат-Заграт получила высшее образование, владела несколькими иностранными языками. В 1907 году в Петербурге она вышла замуж за Махача Дахадаева. Во время родов пришлось сделать кесарево сечение. Родился мальчик Адильгерей.

Так как Патимат-Заграт больше не могла иметь детей, Махач с согласия всех, к кому это имело отношение, женился на ее сестре – Нафисат. Девушка имела чуть удлинненное лицо, рыжеватые волосы, унаследованные от отца. Она, как и старшая сестра, окончила институт благородных девиц, была жизнерадостной, веселой, любила шутить. Ее и старшую сестру везде принимали как дочерей генерала Магомеда-Шеффи и внучек Шамиля с почетом и большим уважением.

В начале 1916 г. Махач и Нафисат приехали в Темир-Хан-Шуру. Они сняли квартиру в доме Талибова на Меликовском шоссе. Затем купили дом на Апшеронской улице, принадлежавший офицеру Дагестанского полка Мальсагову. Дом считался таинственным, приносящим только несчастья.

Махач Дахадаев, будучи несуетливым человеком, не обращал внимания на разговоры, хотя знал, что 19-летняя красавица – дочь Мальсагова на почве любви застрелилась именно в той половине, в которой поселился сам он с юной женой. Тем более революционер не мог предположить, что, когда через два года его убьют, именно здесь будут отпевать и прощаться с ним люди.

Перед гибелью Махач Дахадаев успел написать жене два коротеньких письма следующего содержания. Письмо первое: «Темир-Хан-Шура. 20 сентября 1918 г. Нафи! Сегодня уходи к Агладзе... Дома не сиди». Письмо второе: «Милая Нафи! Я выехал не повидавши тебя. Надо было торопиться. Я оставил тебе записку, чтобы ты ушла к Агладзе и не оставалась бы дома. Повторяю эту просьбу теперь, обязательно сделай это. Обо мне не беспокойся... Четыре человека должны тебя охранять.

Давать о себе сведения буду тебе каждый раз, когда представится возможность. Пока всего лучшего. Целую тебя крепко. Твой М. 20. IX. 1918 г.»

В тот же день между Верхним Дженгутаем и Аркасом Дахадаев был убит людьми Нухбека Тарковского.

Еще до гибели мужа Нафисат Дахадаева в Темир-Хан-Шуре в типографии М. Мавраева стала издавать программную газету «Время» на русском языке. Первый ее номер увидел свет 3 апреля 1917 года. На страницах «Времени» выступали У. Буйнакский, Г. Саидов, С.-С. Казбеков и другие революционеры. Нафисат Дахадаева опубликовала и первое обращение Дагестанского просветительного бюро, возглавляемого У. Буйнакским. В обращении говорилось, что бюро принимает все пункты РСДРП(б). Всего было выпущено двадцать номеров газеты.

...В 1963 году я встретился с вдовой революционера М.-М. Хизроева – Р. А. Хизроевой. Ее рассказ о дальнейшей судьбе сестер, думаю, представляет интерес: «Узнав о гибели Махача Дахадаева, мы поспешили на Апшеронскую улицу. Нафисат не причитала, не кричала, а тихо плакала. В тот же день хоронили убитого. Так как в городе были враги революции, то разрешили провозить тело покойного брату Махача – Джабраилу, художнику Е. Е. Лансере и еще четверем или пяти мужчинам. Зато было много оплакивающих женщин.

В это время наши люди в горах создавали партизанские отряды. Я уехала в Хунзах. Вернулась только в конце марта 1919 г. Я обратила внимание на то, что в доме Нафисат квартировал казанский татарин полковник Кугушев. Они понравились друг другу, и 22-летняя внучка Шамиля стала женою постояльца.



### **Махач Дахадаев и Патимат-Заграт**

Когда наши пришли, уничтожили полковника. В 1923 г. мать этих сестер – Марьям-Ханум забрала Нафисат с собою в Петроград. После смерти матери в их доме поселился некто латыш Сырутович, который в конце концов женился на Нафисат. Кажется, это случилось в 1932 г. Нафисат со своим новым мужем приезжала в Буйнакск. У латыша были странности. Например, он по улице среди бела дня ходил босиком. Этого очень стеснялась Нафисат, поэтому она ходила по другой стороне. Прожили они в Буйнакске недолго и уехали в Ленинград.

В 1934 г., когда я была в Москве в гостях у Д. Коркмасова, туда по каким-то делам приехала и Нафисат. В ту пору она работала в гостинице «Астория» старшей горничной, обслуживающей иностранцев. Устроиться там она могла по двум причинам: знание иностранных языков и хорошая внешность.



### **Нафисат – вторая жена М. Дахадаева**

В то время, когда она отлучилась в Москву, у нее дома произошла беда: Сырутович забрал все ценности и скрылся. Как говорят: пришла беда, отворяй ворота. В «Астории» двое турок, беседуя с ней, завели разговор о том, что их страна завоеует Кавказ, а ее, внучку великого имама, сделают королевой. Неизвестно, может быть, «турки» были подставными людьми, но будущей «королеве» два года пришлось отсидеть в тюрьме».

Были и другого рода несчастья, и, чтобы особенно не растягивать повествование, скажем, что Нафисат скончалась в Ленинграде во время блокады.

Старшая дочь Магомеда-Шеффи Патимат-Загат, когда погиб Махач Дахадаев, также находилась в Темир-Хан-Шуре. Воспитанница Смольного института благородных девиц, знаток многих языков, волею судьбы оказалась женою аробщика – маляра из Кафыр-Кумуха Мамака. Умерла от болезни легких в Буйнакске.

Их дочь Наида ныне работает в Махачкале в Республиканском музее изобразительных искусств.

Теперь несколько слов об их матери – Марьям-ханум Ибрагим Шамиль. Жена Магомеда-Шеффи была дочерью богатого казанского мурзы. Была круглолицей, черноглазой, с каштановыми волосами, среднего роста. Получила определенное образование, без чего, наверное, на ней не женился бы сын Шамиля. Марьям-ханум, кроме родного татарского, владела русским и кумыкским языками. Приблизительно в 1916 году она приезжала в Темир-Хан-Шуру, ездила на фаэтоне брата Махача Дахадаева – Джабраила. Все в городе знали, что она жена сына Шамиля, старались познакомиться с ней, заговорить. Она уехала в Петербург с одной из своих дочерей. К тому времени ее мужа – Магомеда-Шеффи в живых уже не было. Дальнейшая судьба Марьям-ханум мне неизвестна.

## Праправнучки Шамиля

Живых праправнучек Шамиля (если с ними за последние 20–30 лет ничего не случилось) оставалось три: Нейра, Инаниен и Мария. Все они проживали в столице Абиссинии Аддис-Абебе. Их прадедом являлся сын Шамиля Кази-Магомед. А отцом и матерью девушек были лакцы из Кази-Кумуха Ханапи и Написат.

Будет справедливо, если я вначале расскажу, как лакцы очутились в столь далекой от Дагестана стране и как сложилась их судьба.

...Однажды, а было это в 1897 году, Магомед Гаджиев, ювелир из Кумуха, отправился в дальние страны. С ним попытать счастья ушли и его два сына – Гаджи и Ханапи. Вышли рано утром, затемно, чтобы кто-нибудь не сглазил. Сладости и печенье в форме сердца были уложены в дорожные сумки: по древнему обычаю, кушая их, путешественники должны вспоминать родину.

Дагестанцы посетили Стамбул, Каир, Марокко и даже Индию. В 1901 году по дороге в Абиссинию скончался отец, Магомед Гаджиев. Сыновья предали его чужой земле. Прибыв в столицу Абиссинии Аддис-Абебу, Гаджи и Ханапи первым делом сделали подарки императору Менелику II: оружие, кольца, браслеты, чернильный набор, а главное – великолепную шашку, ножны которой украшал изящный орнамент по серебру и золоту. Император был восхищен работой дагестанцев и пригласил их остаться во дворце, попросив организовать монетный двор.

Все шло хорошо. Но вскоре затосковали братья по своим горам и попросили разрешения съездить за семьями. Не поверил им Менелик. В Дагестан отпускал братьев по очереди. Те возвращались и продолжали работу.

Мне удалось встретиться с дочерью Гаджи – Шахун Гаджиевой-Темирбековой. В пятилетнем возрасте ей пришлось участвовать в поездке на Африканский континент. Дорога шла через Урму, на следующий день прибыли в Темир-Хан-Шуру. В Петровск их доставили фаэтоны Алмаксуда. Оттуда на поезде до Одессы. Бабушка Бахвум удивлялась: «Какая это лошадь тянет десять домов?» Ей отвечали: «Пар». – «И самовар пускает пар, а почему не двигается?» Ее вопросам не было конца. На пароходе добрались до французского Сомали. Оттуда с караваном верблюдов и лошадей в сопровождении 15 вооруженных аскеров в Хара. В дороге нередко встречались лесные звери. На привалах разжигали костры, детей прятали в шалаше, а аскеры стреляли из ружей. Дорога отняла двадцать дней.

В столице Абиссинии Гаджи с семьей жил в двухэтажном доме: наверху четыре комнаты, кухня, внизу – мастерская. Мастер изготавливал сабли, шашки, украшения, сбрую, выполнял заказы императорского двора. Жили безбедно. Ханапи облачался в мундир с вышитым золотом воротником, орденами и медалями. А Гаджи так же, как и в Дагестане, носил черкеску, папаху и мягкие сапоги, отказался он и от рабов, которых предложил ему император. Только няня-эфиопка помогала по дому. Дружил с французами. По воскресеньям ездили за город, на базар. Когда они ставили самовар, многие сбегались посмотреть на «тульское чудо».

Так прошло пять лет. Гаджи заболел, ничего его не интересовало. Врачи, не найдя другой болезни, поставили диагноз – ностальгия.

Гаджи решил вернуться домой. Получив разрешение, в 1910 году он покинул Абиссинию. Подъезжая к Дагестану, он почувствовал себя лучше. На холме Кацаллабаку, у родника, зарезали барана. Целительный воздух Кумуха продлил его жизнь еще на десять лет.

Что же касается Ханапи, то Герой Социалистического Труда Гаджи Хинчалов рассказывал мне, что в 1915 году встречался с ним в Кумухе. Приехал он с малолетними детьми, четырьмя мальчиками и двумя девочками. Плотный, среднего роста, с усами. Его жена Напи-

сат хотела забрать с собой свою мать Шахсалай в Аддис-Абебу, но та воспротивилась, не желая умирать на чужбине.

Ханапи с семьей вернулся в Абиссению, где его авторитет и влияние росли с каждым годом. Он сделался важной персоной и, в конце концов, был назначен министром финансов. Его жена, «мадам Написат», как называли ее знакомые иностранцы, еще в Кумухе слыла модницей. Когда она с мужем уезжала из Дагестана, то уже за Цудахаром сбросила чохту, а в Абиссинии вела себя, как парижанка, одевалась по самой последней моде. Трудно поверить, что всего за несколько лет до этого Написат была простой горянкой из Кази-Кумуха. Что только ни делает женщина, желая быть красивее и привлекательнее!



### Нейра

Она и муж ее умерли, как рассказывают, в 20-х годах: Ханапи в возрасте шестидесяти лет, Написат, пережившая его, – сорока лет. После смерти мужа многие безуспешно сватались к ней. Рассказывают также, что Написат выступала за улучшение отношений с Советским Союзом. По-разному сложились судьбы детей Ханапи и Написат. Когда в 1935 году Абиссиния вела смертельную борьбу с фашистской Италией, всеми партизанскими силами страны командовал генерал Насибу. Попав в окружение, он до последнего дрался с врагами и погиб смертью героя, оставив последний патрон для себя. Генерал Насибу был сыном дагестанца Ханапи.

Сестры Насибу – Нейра, Инаниен и Мария жили в Аддис-Абебе. Первая из них была замужем за итальянцем, вторая – за французом, служила в одном из столичных магазинов, а третья – Мария, жена русского эмигранта, работала гидом в столичном музее и славилась как хорошая охотница.

Дагестан сестры представляли себе только по рассказам родителей. С возрастом, с потерей отца и матери первоначальное любопытство сменилось у сестер тоской и жадной увидеть родину. В Дагестане нашлись родственники.



### **Инаниен**

Четыре десятилетия назад Нейра написала письмо своей двоюродной сестре Мадине Гаджиевне: «Моя дорогая кузина! Пользуюсь случаем, чтобы написать тебе. Я дочь твоего дяди. Мне удалось получить ваши письма, чему я очень рада. Надеюсь в скором времени говорить с тобой. Я обращалась в Советское посольство, так как хотела вернуться на родину в декабре 1959 года. Мне очень больно слышать, что я иностранка. Я как бы человек, не имеющий национальности, а на самом деле – дочь кавказских гор. Если бы твой дядя, а мой отец был жив, я бы потребовала у него объяснения. Но его, к сожалению, нет в живых, равно как и твоей тети, а моей матери.



### Мария на охоте

Нас три сестры. У старшей – эфиопский паспорт, у меня – итальянский, а у Марии – французский. Наберись терпения. Я постараюсь быть краткой. История моя такова: я вышла замуж за итальянца. Дети мои, Лилиана и Антонио, учатся в Риме. Я родилась в Аддис-Абебе 16 сентября 1916 года. Родные мои умерли, не попытавшись вернуться на родину. Я же хоть в свои последние годы хочу вернуться. Очень трудно писать своей кузине на чужом языке, но я не говорю по-русски, однако несколько слов на родном языке я знаю.

Дети у меня уже взрослые. Лилиане 22 года. По окончании университета она может выбрать национальность отца или матери.

Прошу тебя ответить мне. Пиши на удобном тебе языке. Мое итальянское имя Джемма.

Надеюсь не только читать в скором времени твое письмо, но и иметь возможность тебя обнять. Я и сестра Инаниен целуем тебя».

В постскриптуме добавила: «Не хотела бы, чтобы мое письмо прочиталось как жалоба».

«Разрежь арбуз – и там найдешь лакца», – гласит дагестанская поговорка. Не от хорошей жизни разбрелись они по свету. Оставшиеся на чужбине лакцы, где бы они ни находились, стремятся вернуться на родину. Времена-то другие.

В свое время я записал рассказ Магомед-Расула Омарова из Кегера, работавшего в ту пору заместителем начальника цеха завода точной механики в г. Каспийске. В 1970–1971 гг. во время путешествия он посетил столицу Египта – Каир. Здесь он встретился с одним чохцем-эмигрантом. Разговорились. Оказалось, что в Каире живет Зубейда – правнучка Казимагомеда, сына Шамиля. М.-Р. Омарову захотелось увидеть ее, но был десятый час вечера, а кегерец должен был назавтра отплывать. Как быть? Решили нарушить этикет и позвонили.

Ответил женский голос. Да, она Зубейда, родственница Шамиля. Хотя уже поздно, учитывая уважительную причину, готова принять дагестанцев. Назвала свой адрес.

Зубейда жила в центре города на четвертом этаже одного из небоскребов, построенных после прихода к власти президента Гамалы Абдель Насера. Поднялись на лифте. Хозяйка сама принимала гостей, так как прислуга обычно уходит после 8 вечера. Мужа она не стала будить.

Ей было лет 45–47, роста среднего, плотная, светлое симпатичное лицо. Зубейда владела арабским, турецким, английским, немного русским языком. Говорили на аварском. Видно было, что она деловой и рассудительный человек. Гостям была искренне рада, кроме прочего, хотя бы потому, что была занята изданием книги о Шамиле. Жадно расспрашивала о Дагестане, о переменах в нем и о своем огромном желании посетить родину предков.

Она показала большую стопку исписанных арабской вязью страниц будущей книги. Показала и фотографии, которыми собиралась иллюстрировать свою работу, исключая фотографию Магомеда-Шеффи. На вопрос «Почему?» ответ был предельно краток: «Я не люблю его».

Одна из четырех комнат ее квартиры представляла собой настоящий музей Шамиля и его близких: их оружие, личные вещи, вплоть до хурджунов, фотографии, книги.

В свою очередь кегерец рассказал, что в Дагестане есть много памятных мест, связанных с Шамилем, в религиозные дни происходит настоящее паломничество на гору Ахульго и в Гимры, что дагестанцы чтут память о Шамиле. Зубейда радовалась, как ребенок, и еще раз повторила, что непременно посетит родину.

Гости, глубоко поклонившись, покинули радушный дом праправнучки Шамиля. И, когда, сев в такси, поехали в гостиницу, вспомнили, что не попросили фотографию самой Зубейды. Нарушать второй раз этикет не решились ни кегерец, ни чоец.

## Роза Дербента

Особое место среди декабристов, оказавшихся в Дагестане, занимал Александр Бестужев-Марлинский. Он мог избежать ареста, но сказал себе: «Сумел восстать, сумей и ответ держать!».

Весело насвистывая, явился он во дворец и доложил: «Александр Бестужев явился!». Один из недругов подошел к нему со словами: «Жаль, что такой прекрасный офицер связался с мятежниками и погубил себя».

– Пошел прочь, негодяй! – ответил «доброжелателю» Бестужев, а конвоирамскомандовал: – Шагом марш!

И те повиновались арестованному.

Декабрист был приговорен к повешению. Затем приговор отменили, и Бестужев-Марлинский очутился в Сибири, через три года его перевели в Дагестан, где с 1830 по 1834 гг. он проходил службу в городе Дербенте в 10-м Грузинском линейном батальоне.



### Могила Ольги Нестерцевой в Дербенте

Командир батальона Васильев был в ссоре с комендантом Дербента Ф. А. Шнитниковым. В семействе последнего Бестужев-Марлинский находил не только отдых, но и поддержку. Комендант посылал его в горы, где писатель учился тюркскому (по Е. И. Козубскому – татарскому) языку и наблюдал жизнь края. С его помощью декабрист стал жить на частной квартире, где встречался с красивой дочерью унтер-офицера Нестерцева.

«Заносчивая отважность, – рассказывает Козубский, – искание приключений ставили его жизнь не раз на карту и, может быть, были причиной его гибели»<sup>14</sup>.

Но совсем с другой стороны пришла беда. Любимая им девушка Ольга Нестерцева в отсутствие Александра нечаянно ранила себя из пистолета, который Марлинский хранил под подушкой. На третий день Ольга скончалась. Из Тифлиса посыпались строжайшие депеши: «Почему рядовой Бестужев жил в отдельной квартире? Почему у него имелся заряженный пистолет, в то время как нижним чинам полагается иметь ружье?».

Недоброжелатели пустили слух, будто А. Бестужев-Марлинский из чувства ревности убил Ольгу Нестерцеву. Эту версию, между прочим, подхватили Александр Дюма, побывавший в Дербенте в 1858 году, и В. Н. Немирович-Данченко, посетивший дагестанский город через 50 лет после француза.

«И... пошла гулять по свету, – пишет Е. И. Козубский, – нелепая сказка... Будь хоть тень основания – опального гордого гвардейца упекли бы с великим наслаждением, зная, что в Петербурге это всего менее огорчит кого-либо».

После трагедии Александр Александрович сильно переменился, он часто проводил время на могиле Ольги. На ней он поставил памятник с надписью: «Здесь покоится прах девицы Ольги Васильевны Нестерцевой, рождения 1814 года, умершей 1833 года 25 февраля». На другой стороне плиты была вырезана роза, разбитая молнией.

---

<sup>14</sup> Козубский Е. И. История города Дербента. – Темир-Хан-Шура, 1906. С. 182.

## «Не верю, что выросла ты в колыбели...»

Махмуд жил в родном ауле Кахабросо, а совсем недалеко от него, в Бетле, родилась Муи. Он стал непревзойденным лирическим поэтом, а она славилась неотразимой красотой.

Чтобы называться великим, Махмуду пришлось не только пройти школу почитаемого всеми аварцами Тажутдина Чанки, но и много выстрадать.

Муи перенесла немало невзгод, однако за свое главное богатство – красоту ей беспокоиться не пришлось, этим занималась сама мать-природа.

Девушка безвыездно жила в Бетле, а Махмуд приходил туда пешком из своего Кахабросо. В Бетле он учился в примечетской школе. Ее посещала и наша героиня. Вот тут-то Махмуд впервые вблизи увидел девушку небесной красоты, чей образ навечно пленил его сердце:

*Не верю, что выросла ты в колыбели,  
Что песни тебе колыбельные пели,  
Что грудью кормили тебя, как других,  
Ласкали, растили тебя, как других!  
Смотрю на тебя, перед чудом немея:  
Весь мир, словно в зеркале, вижу в тебе я!*

Друзья Махмуда были удивлены, что он скоро забросил медресе. Свой поступок он объяснял тем, что азбука ему нужна была только для того, чтобы записывать свои песни и стихи.

Я думаю, причина была совсем в ином: Махмуд понимал, что родители Муи, люди довольно состоятельные, и слышать не захотят о каком-то поэте без роду и племени, сыне бедняка-угольщика. А видеть ежедневно любимую девушку и не иметь на нее никаких прав – это было выше его сил.

Вскоре Муи выдали замуж за офицера Дагестанского конно-иррегулярного полка Кебет-Магому. Началась первая мировая война, муж Муи уехал на фронт и героически погиб в бою.

В том же полку служил и Махмуд. Аллах миловал его, и он через три года без единой царапины вернулся домой. Не буду описывать, как все эти годы поэт скучал по Родине, по любимой. Скажу только, что, будучи в Австрии, он создал великолепную поэму «Мариам», посвященную Муи:

*О, как сердце мое сжигает тоска,  
Облака, облака, возьмите мой вздох!  
Известите, прошу, небесную власть:  
Пишет жалобу страсть, что я занемог!  
За тобой везде брожу день за днем,  
Я в народе родном пословицей стал!  
Что постигло тебя? Взойди на крыльцо,  
Хоть одно письмецо страдальцу отправь.*

Вдова офицера не только не думала писать письма, а наоборот, когда Махмуд возвратился с войны и вновь стал домогаться ее руки, через людей предупредила, что родители непреклонны, так что пусть Махмуд оставит ее в покое.

Ах, любовь, любовь... На что только не толкает она нас! И что, думаете, придумал наш поэт? Бедняга, день за днем, на рассвете, преодолев расстояние между Кахабросо и Бетлем, появлялся в ауле и, взобравшись на небольшой холмик, начинал утреннюю серенаду. И, знаете, никто не смеялся над этим человеком. Наоборот, сочувствовали. Махмуд не был профессиональным певцом, слова песен произносил речитативом. Да и на пандуре не был мастером играть.

Однажды все-таки дрогнуло сердце вдовы. На тайной встрече она сказала: «Махмуд, ради Бога, сделай так, будто ты похитил меня». И сама предложила план: «В сумерках я пойду жарить кукурузу, а ты и твои товарищи «украдите» меня».

Едва дождались поэт и его друзья назначенного времени. Смотрят, идет желанная. Схватили Муи, посадили на лошадь, для видимости постреляли в воздух из пистолетов и ружей и по горной тропе спустились в Ашильту. Хаджи-Мурат, друг Махмуда, хотел забрать женщину к себе, но Муи рассудила иначе: «Ты, Махмуд, иди к своим кунакам, а я пойду к своим. Так будет лучше и вернее».

– Зачем? – удивился поэт.

– Пока старики Ашильты отправятся в Бетль просить у родителей моей руки.



## Муи

Довод был резонным. Влюбленные разошлись по своим кунакам. Однако утром произошло невероятное. На вопрос аксакалов, желает ли Муи выйти замуж за Махмуда, она ответила отказом.

– Меня насильно увезли, – объявила женщина.

Все были поражены коварством бетлинки. Тогда же Махмуд сказал:

*Казались мне речи твои золотыми,  
Но были они медяками простыми.  
Серебряным ты мне сияла лицом,  
Но сердце свое налила свинцом...*

*Ты в мненье людском оправдаться стремилась,  
Прибегла ты к злобе, коварству и лжи.  
Измене молилась, обману молилась,  
Какого же рая ты жаждешь, скажи?*

И только лишь через годы оставшиеся в живых поняли, почему так жестоко обошлась Муи с поэтом. Слухи об ее встрече и сговоре с Махмудом и его друзьями все равно разошлись бы, как круги от брошенного в воду камня. И тогда бы не миновать кровопролития. Вот почему пожертвовала своей любовью Муи.

А тем временем поэт терзал себя упреками: «Ах, какой я глупец, что отпустил свою голубку к кунакам!»

Глава аула Ашильта Тагули отправил Махмуда и его сообщников – Хаджи-Мурата, Абдулмажида, Мухитдина и Муи с ее отцом к окружному начальнику Арашу в Унцукуль. Тот строго принял их и рассадил одних по одну сторону от себя, других – по другую. А сам, высокий, здоровенный, в сапогах со скрипом, в каракулевой папахе и со знаком на груди, ходил между ними то в одну, то в другую сторону.



### **Махмуд из Кахабросо**

– Встань, Муи! – приказал наиб. – Ты сама пошла к нему или тебя украли? Отвечай!

А та в ответ:

– Разве, Араш, ты не знаешь, что я его не люблю? Они, вот эти молодцы, меня насильно забрали!

Махмуд горько улыбнулся, но ничего не сказал. Наиб впился в него своими большими глазами:

– Что же было между вами, Махмуд? Теперь ты говори!

– Если моя подруга Муи так изложила события, что мне остается добавить?

Наиб поднял и Хаджи-Мурата, а тот, не моргнув глазом, отвечал:

– Утром я взял топор и пошел к Абдулле, чтобы идти в лес. Ты же знаешь, ожидаются холода. А Абдулла мне и говорит, что из Кахабросо пришли Махмуд и Муи. Я обрадовался и пошел на них поглядеть. Вот и все!



**Автор работы – Хасбулат Аскар-Сарыджа**

Ответ держал и Абдулмажид:

– В сумерках они пришли ко мне...

– Кто они? – перебил его наиб.

– Как кто? Да вот же они сидят перед тобою: Махмуд и Хаджи-Мурат. Так вот, в сумерках они пришли ко мне. И все.

Мухитдин ответил:

– О приходе Махмуда и Муи я услышал на годекане. Как мог я там усидеть! Уж очень хотелось поглядеть...

– Правду ли они говорят? – обратился Араш к Муи.

– Неправда все это! – отвечала женщина.

Отец молчал. Только Араш нервно ходил туда и сюда, скрипя сапогами.

Вдруг, резко повернувшись к Муи, он приказал, чтобы та с родителем очистила помещение. После того, как женщина прикрыла за собой дверь, наиб обрушился на четверых друзей:

– Вы все одинакового роста, все одинаково рыжие и одинаково бессовестные! Убирайтесь вон отсюда, маймуны!

Он был так разгневан, что раньше четверки сам выбежал из канцелярии.

Махмуд отправился в Кахабросо, а трое его товарищей вернулись в Ашильту.

Слух о происшедшем событии с быстротой молнии распространился в горах. К Хаджи-Мурату зачастили люди: «Расскажи, какая красота у Муи, с кем из наших девушек и женщин можно сравнить ее?».

– Сравнивать не берусь, боюсь, обижу ашильтинок, – отвечал Хаджи-Мурат, – но и Муи мне показалась самой обыкновенной горянкой, особой красоты я что-то в ней не увидел. Впрочем, Махмуд на нее смотрел не моими глазами... Для него она необыкновенная.

Муи умерла. Но подрастал в Бетле ее сын Гасан. Говорят, ребенку понравилась одна из песен Махмуда.

Сосед-старик растолковал Гасану, что песня в свое время адресовалась его матери. Это очень опечалило мальчика, и он сказал: «Эх, если бы не умерла мама, а Махмуд не погиб, то я отвел бы ее за руку к нему и попросил: «Будьте вместе!».

...Много, много лет назад в пути из Унцукуля в Кахабросо меня и моих юных друзей сопровождал проливной дождь. Было холодно, хотя на дворе стоял июль.



**Памятник Махмуду в Унцукуле. Автор – Хасбулат Аскар-Сарыджа**

Часа два пути, и мы у разрушенного, заброшенного аула Бетль. Стены домов без крыш, некоторые сакли совсем развалились, и на их месте лежат лишь груды камней. Зброшенный уголок.

Здесь, в Бетле, много лет назад жила и умерла любовь Махмуда – красавица Муи. В ауле ничего не осталось, что напоминало бы о них.

Время превращает в пыль даже гранит, но оно бессильно перед памятью. Имена Махмуда и Муи не забыты. Люди помнят о них и из поколения в поколение передают суровую повесть о трагической любви кахабросинца к бетлинке.

## Сану – жена Хаджи-Мурата

...23 ноября 1851 года Хаджи-Мурат перешел на сторону русских. Его жена Сану, мать Залму, два мальчика и четыре девочки остались в ауле Цельмес, приютившемся под стенами Хунзахского плато.

Даниель-султан – наиб Харахинский, узнав об измене Хаджи-Мурата, велел посадить в яму семью беглеца. Выполняя это приказание, мюриды сначала разграбили дом, а затем подожгли его. Люди Даниель-султана устроили возле горящего здания дикую оргию.

При этом, говорят, произошел такой эпизод: во время обыска Сану успела передать соседке мешочек с кольцами, браслетами и небольшим количеством денег, но сделала это так неловко, что действия женщин были замечены мюридами. Они отобрали драгоценности, повалили посредницу на землю, обнажили ей грудь и насыпали горящие угли на голое тело. Жена Хаджи-Мурата увидела это, вырвалась из рук мюридов, сбросила угли и, подняв на ноги перепуганную женщину, отправила ее домой.



### Хаджи-Мурат

Когда семью Хаджи-Мурата вели в яму, каждый сопротивлялся, как мог, но больше всех – одиннадцатилетний Гулла, прозванный Хаджи-Муратом «пулей». Увидев, что мюриды толкают бабушку Залму, мальчик схватился за рукоятку маленького кинжала, висевшего на поясе. Ему тут же скрутили руки. Тогда Гулла стал кусаться и бить мюридов ногами. Озверев, те повалили мальчика на землю, избили его и бросили в яму.

В темницу, где сидели бабушка Залму, жена Хаджи-Мурата Сану, сыновья Гулла и Абдул-Кадыр и дочери Баху, Бахтике, Семисхан и Кихилай, один раз в сутки приносили по чашке воды и горсть сухих кукурузных галушек.

Тяжелее всех пришлось Сану. Через 3 месяца в той же яме она родила мальчика. Пеленать ребенка было нечем. Женщины своими телами согревали младенца, которого в честь отца называли Хаджи-Муратом. Иногда бабушке и Гулле разрешали выходить за пищей, но

рассказывают, что мальчика при этом каждый раз избивали. Не возвратиться Гулла не мог: два брата и четыре сестры ждали его.

«Со смехом или со слезами, но Гулла должен вернуться в темницу», – говорил по этому поводу ребёнок. Слова Гуллы стали крылатыми и до сих пор живут среди аварцев как пословица.

Матерью этого мальчика была не Сану. Он родился от первой жены Хаджи-Мурата, грузинки Дариджы, захваченной во время одного из набегов на Кахетию.

Сану, вторая жена Хаджи-Мурата, была родом из Чечни. Когда она выходила замуж за дагестанца, а случилось это в Ведено, девушке шел 20-й год. Впоследствии, через много лет, Сану рассказывала, что сватать ее приходил сам Шамиль, а в день свадьбы имам сидел на самом почетном месте у костра.

Когда Сану выдавали замуж, ее отца, чеченца Дурди, уже не было в живых. А погиб он в какой-то мере из-за дочери.

Случилось это так.

Одним из самых смелых наибов Шамиля считался А. Так вот, этот наиб в свое время, еще до Хаджи-Мурата, сватал Сану.

Неизвестно почему, но Дурди не захотел иметь родственных связей с А. Тогда наиб вызвал чеченца к себе. Не поехать было нельзя. Ослушаться – значит проявить неуважение к самому имаму.

Рассказывают, что когда чеченец стал собираться в дорогу, его жена, кабардинка Кумси, посоветовала взять с собой охрану.

Дурди сначала отмалчивался, видимо, раздумывая: согласиться с женой или нет. Все говорило о том, что вызов наиба связан с неудачным его сватовством к Сану.

«Нет, – решил Дурди, – поеду один. Скажут – трус: едет с целым караваном». Дурди, видимо, надеялся на свою богатырскую силу. Был он плечист и ростом больше двух метров. Не каждая лошадь могла носить этого человека, и не всякая сабля годилась ему. Чеченцы восхищались великолепным сложением своего богатыря и называли его не иначе как дэвом. Под стать отцу выросли и сыновья. Их у Дурди было семеро. И все семеро погибли в боях с царскими войсками.

Наконец, Дурди пустился в путь. Но не успел он отъехать от родного села Гихи-Мертан и 15 верст, как раздались выстрелы. Пуля попала ему в спину. Потеряв сознание, чеченец упал на землю, а лошадь понеслась обратно в аул. Раненого Дурди привезли домой, где он вскоре скончался.

После похорон отца на Сану посыпались упреки. Мать считала ее виновницей смерти Дурди. Однажды, когда Кумси снова стала поносить дочь, Сану достала отцовский кинжал и полоснула себя по шее. Горские лекари спасли девушку. Мать опомнилась: нет сыновей, нет мужа, неужто и дочь должна погибнуть?

Шрам не изуродовал девушку, но с тех пор она наглухо закрывала шею платком. Была Сану рослой и стройной. В Чечне, где женская красота так же ценится, как и мужская удаль, девушкой гордились, ее знали и любили повсюду.

И вот, в те дни, когда Сану с детьми страдала в цельмесской темнице, ей через послов предложил свою руку наиб Даниель-султан.

– Скорее сто раз умру, чем стану женой человека, поставившего капкан моему льву, – таков был ответ.

Впоследствии Сану насильно выдали замуж за одного арабиста из Тлоха.

В 1891 году там же, в Тлохе, красавица скончалась, пережив своего мужа, Хаджи-Мурата, почти на 40 лет. Рядом с ней погребены Хаджи-Мурат – младший и сестра Джавгарат.

## Несравненная Нух-Бике

В 1844 году Ахмет-хан Мехтулинский внезапно скончался, оставив малолетних детей – Гасана, Ибрагима, Рашида и Умукусюм. Управление ханством было поручено его вдове – Нух-Бике.

Современники считали, что вдова хана была на редкость хороша: щеки свежие, как румяные бока араканских яблок, гладкий, как агат, лоб, пухленький ротик, голубые глаза на смуглом лице и тонкая талия – такой описывали Нух-Бике.

Жила Нух-Бике в Большом Дженгутае, как тогда называли Нижний Дженгутай. Дворец ханши специально строился на холме в самой середине аула. Для безопасности столица Мехтулы была обнесена высокой оградой, вокруг нее был ров, а у нескольких ворот день и ночь несли службу караульные.

В нижней части села, также в большом доме, жил с охраной представитель царского правительства в Мехтулинском ханстве Иван Давыдович Лазарев. Он укрепил все подступы к Дженгутаю. Во многих местах каменные башни длинной цепью протянулись по всей пограничной черте, начиная от Буглена и кончая сел. Чугли.

Дженгутайцы, в отличие от жителей соседних аулов, имели веселый характер. Стоило только солнцу опуститься за Койсубулинский хребет, как то в одном, то в другом уголке аула начинали звучать барабан и зурна. Люди сбегались на шум, и нередко танцы и пение продолжались до самой зари. В этих забавах обязательное участие принимали и женщины вместе со своими дочерьми.

«Их присутствие, – сообщал военный историк В. Потто, – было желательным, потому что они вносили с собою более мягкий, симпатичный и умиротворительный характер».

Ханша не только не запрещала игры и забавы, а, наоборот, поощряла, хотя сама непосредственное участие в них не принимала, наблюдала, как веселился ее народ. Свое время Нух-Бике посвящала воспитанию детей и управлению 11 тысячами крестьян, проживавших в 12 аулах. Подати, собираемой с них, не только с лихвой хватало на еду, одежду и другие нужды ханши и ее близких, но кое-что перепало и челяди. Я что-то не припоминаю, были ли среди ее подданных какие-либо волнения. Скорее всего, не было.

Время от времени Нух-Бике ездила в Темир-Хан-Шуру.

Все 20 верст она путешествовала на арбе, богато убранной коврами и тканями и запряженной парой буйволов. Рядом держался конвой. Вся эта процессия двигалась медленно, но сесть на лошадь, чтобы быстрее добраться в Шуру или Дженгутай, ханша не считала для себя возможным.

Хотя многие мужчины, даже из знатных фамилий, заглядывались на нее, но никто руку не предложил, заранее зная, что ханша вряд ли согласится на брак. Да и царское правительство не одобрило бы такой шаг, считая, что под своим началом лучше иметь ханшу, чем хана.

Так, в скучном однообразии, текла бы жизнь хозяйки Дженгутая, если бы не событие в декабре 1846 года, поразившее своей дерзостью население всего Дагестана.



### **Селение Ботлих**

Но, прежде чем приступить к сути дела, обратимся к событиям, которые произошли на много лет раньше. В 1834 году в Хунзахской мечети Хаджи-Мурат со своими родственниками убил имама Гамзатбека. Царское командование увидело тогда в лице Хаджи-Мурата человека, который мог бы противостоять Шамилю, и решило привлечь его на свою сторону. Хаджи-Мурату дали чин прапорщика милиции и официально поручили временно управлять ханством.

Военные способности Хаджи-Мурата были замечены генералом Клюки фон Клюгенау. Последний стал осыпать молодого горца наградами. Все это возбудило зависть у Ахмет-хана Мехтулинского, назначенного еще раньше правителем Аварии, пока малолетний наследник аварских ханов воспитывался в кадетском корпусе в Петербурге. Между тем, когда Клюгенау находился в Тифлисе, Ахмет-хан арестовал Хаджи-Мурата, заковал в цепи и, как собаку, на шесть суток привязал к пушке, а на седьмые отправил под конвоем в Темир-Хан-Шуру. По дороге Хаджи-Мурат бежал и сломал ногу, а когда выздоровел, перешел на сторону Шамиля. С тех пор мысль о мести не покидала Хаджи-Мурата.



### Нух-Бике

В повести Л. Н. Толстого во время беседы с князем Воронцовым Хаджи-Мурат говорит, что он не изменил бы русским, если бы не Ахмет-хан, оклеветавший его перед генералом Клюгенау. «И Ахмет-хан, и Шамиль оба враги мои, – продолжал он, обращаясь к переводчику. – Скажи князю: Ахмет-хан умер, я не мог отомстить ему...»

...Теперь пора вернуться к Нух-Бике. Так вот, Хаджи-Мурат, не сумевший отомстить Ахмет-хану из-за его внезапной смерти, поступил весьма своеобразно. И то, что он сделал, произошло как раз в то время, когда управлять ханше помогал князь Орбелиани.

В ночь с 14 на 15 декабря 1846 года Хаджи-Мурат увез Нух-Бике из Нижнего Дженгутая. Как это могло случиться? Об этом подробно рассказывает Алиханов-Аварский, записавший воспоминания хунзахца Таймас-хана в 1895 году.

...Как-то в Хунзах прибыли два беглых кумыка из столицы Мехтулинского ханства. Хаджи-Мурат поинтересовался, большая ли охрана у Нух-Бике.

– В Дженгутае 6–7 сотен солдат, – ответили кумыки.

– Что же они крепко ее охраняют?

– О ней никто не думает. Офицеры только и делают, что пьют да в карты сражаются.

Беглецы рассказали, что у ворот дворца Нух-Бике на ночь ставится всего один или двое часовых.

После этой беседы Хаджи-Мурат стал тайно готовить набег на крепость. Собралось у него около 200 человек. Если принять во внимание те 6–7 сотен, что базировались в столице Мехтулы, да еще две сотни милиции из местных жителей, то у Хунзахского наиба сил набралось в четыре раза меньше. Но он любил говорить: «Пять золотых удобнее пятисот медных и сделают то же самое».

На рассвете 14 декабря 1846 года с двумя сотнями горцев Хаджи-Мурат покинул Хунзах. Никто не знал, куда и зачем едут. В полдень, оставляя аул слева от себя, проскакали Аракани. Войдя в глухое ущелье, дали лошадям остыть и чуть утолить жажду из горной речки. Начался трудный подъем. Рядом с наибом скакал его друг и советник Гайдар-бек.

– Люди хотят знать, куда мы едем! – произнес с обидой Гайдар-бек.

– Я и сам не знаю, – ответил Хаджи-Мурат, действительно не зная, что таят в себе дальнейшие события.

Дальше ехали молча. Всадники очутились на перевале.

Здесь гулял зимний ветер, то принося, то угоняя белые лохмотья туч.

«Неужели опять в Темир-Хан-Шуру?» – подумал Таймас-хан. В 1839 году Шамиль выразил явное недовольство Хаджи-Мурату неудачной атакой этой крепости – мюриды потеряли более 10 человек.

...Короткий зимний день подходил к концу. За поворотом горцы увидели Аркас. Аул мигал двумя-тремя огоньками. Хаджи-Мурат объявил привал. Впервые после 70-километрового марша мюриды сошли с коней. Люди устали, их унылый вид говорил о желании отдохнуть. Видимо, один только наиб чувствовал себя отлично. По этому поводу Таймас-хан говорил: «Я не знал человека более неугомонного. Он не слезал с лошади даже в самых опасных местах».

Между тем приближалась ночь, тени быстро густели, и только когда начался спуск на плоскость, хунзахцы поняли, куда и зачем едут. Многие сомневались в успехе.

Остановясь недалеко от Нижнего Дженгутая, Хаджи-Мурат послал к аулу 8 человек, среди которых были Гайдар-бек и Таймас-хан. Те подошли к воротам. Ни звука. Таймас-хан решил перелезть через стену и открыть ворота изнутри. Человек он был смелый, имел к этому времени 16 пулевых ран и заслужил прозвище Магула, что значит «боевой кот».

Когда Таймас-хан взобрался на плетеный забор, в нескольких шагах от себя он заметил костер. Возле него, завернувшись в тулуп с головой, лежал часовой. Человек Хаджи-Мурата, как кошка, двинулся к нему. Но тут под Таймас-ханом с шумом обломилась сухая ветка, и он упал на землю. Часовой проснулся. Сперва он думал, что услышал один из непонятных ночных звуков, но, увидя незваного гостя, успел поднять шум и тут же был убит. Таймас-хан, не мешкая, открыл ворота. Ворвавшись в аул, горцы поскакали к дворцу Нух-Бике.

Ворота дворца оказались запертыми. Хаджи-Мурат приказал рубить их топором. Посыпались удары по доскам, и каждый из ударов в ночном Дженгутае казался выстрелом из пушки. Лай собак, ржание коней и крики людей – все смешалось. Где-то в стороне раздалось несколько ружейных выстрелов. Надо было торопиться. По приказу Хаджи-Мурата, подсаживая друг друга, его люди влезали на стену, оттуда на крышу, а с нее уже спрыгнуть во двор и открыть ворота было делом нехитрым.

В глубине двора, в одной из комнат, заполненных одеялами и подушками, горцы увидели двух перепуганных женщин. Их узнали. Одна была свояченица Хаджи-Мурата – хунзахская красавица Фатма. Вторая, невероятно тучная дама, Тутун-бике – женщина с пухлым, круглым лицом и двойным подбородком, из нее можно было «выкроить» трех человек. Но Нух-Бике не нашли.

– Где хранятся деньги и где Нух-Бике? – спросили мюриды у Фатмы. Фатма не отвечала, и горцы стали ломать сундуки. В это время кто-то из мюридов стал возиться в подушках и одеялах. Увидя меховую шубу, он потянул ее к себе. Шуба не поддавалась. Однако горец все же поднял ее и от удивления замер: под шубой лежала женщина.

Хаджи-Мурат сразу узнал вдову. Нух-Бике готова была закричать от отчаяния, но, считая такое поведение постыдным, она сжала до боли пухлые губы. Хаджи-Мурат, увидя ханшу, тотчас приказал дать «отбой»: надо было уходить.

Тутун-бике, воспользовавшись суматохой, сбежала. Но ее никто и не собирался искать: вряд ли с такой тучной дамой можно было ускакать на лошади! Позже стало известно, что мюриды здорово просчитались, не заглянув в соседнюю комнату. Там хранились золотые конские уборы, оружие, деньги и другие ценности ханши. Там же прятались ее дети: Ибрагим, Рашид и Умукусюм. Забегая вперед, скажем, что Ибрагим-хан, будучи уже полковником царской службы, отомстил Гайдар-беку за свою мать. По его приказу бывшего мюрида сбросили в пропасть.

... Хаджи-Мурат, захватив Нух-Бике, повернул коня в горы. За ним поскакали обремененные награбленным добром воины. Проезжая по узким улочкам села, они видели на кровлях домов темные силуэты дженгутаевцев. Но кумыки не стреляли в нападающих. Мало того, некоторые из них произносили: «Яшасын Шамиль! (Да здравствует Шамиль!)».

Скакали всю ночь. К рассвету проехали Аркас, а к полудню уже справа от себя увидели Аракани. В поле близ Зирани стали делить награбленное. Таймас-хан получил 20 рублей и сверх того за убитого часового 10 рублей.

Нух-Бике неожиданно для себя оказалась в Хунзахе. Хаджи-Мурат очень гордился, что так ловко провел князя Орбелиани. В его руках находилась самая красивая в ту пору дагестанка. Он решил незамедлительно жениться на ней и сообщил Шамилю о своем намерении.

Трудно сказать, как развернулись бы события, но ханша категорически отказала ему и никаким уговорам не поддавалась. Она будто говорила своему похитителю: «Ты не симпатичен мне. Отпусти меня к моим детям». Хаджи-Мурат не нравился ей не только потому, что был некрасив, мал ростом и хромал на одну ногу. После смерти мужа Нух-Бике поклялась всю себя посвятить детям.

– Моя пора прошла, – пробовала она разжалобить пленителя, хотя хорошо знала, что еще хороша собой.

Разве только ради мести совершил бы Хаджи-Мурат свой безрассудный набег? Он не хотел понимать, что Нух-Бике для него недосыгаема.

Почти три месяца находилась в горах пленница Хаджи-Мурата, а потом ее обменяли на 11 мюридов, попавших в плен к русским в разное время, и пять тысяч рублей серебром. Домой измученная красавица вернулась в начале апреля 1847 года.

Хочется упомянуть и еще об одной довольно-таки романтической истории, связанной с именем Нух-Бике.

Слава о ее красоте, оказывается, шла по всему Кавказу. А это имело свои последствия. В XIX веке в Азербайджане и Грузии проживал выдающийся поэт Мирза Шафи Вазехи. У него уроки азербайджанского языка брал немец Фридрих Боденштедт.

Уроки проходили три раза в неделю, и на них, кроме Боденштедта, присутствовали также и другие ученики Мирзы Шафи. Потом начиналась беседа, в которой делалась попытка раскрыть суть творческого поиска.

В 1847 году Ф. Боденштедт вернулся в Германию, прихватив с собою записи песен своего учителя и его подарок – тетрадь стихов, озаглавленную «Ключ мудрости». В 1850 году он издал «1001 день на Востоке», в следующем году – «Песни Мирзы Шафи» в своем переводе. А с некоторых пор труды азербайджанского поэта Боденштедт стал выдавать за свои. Европейская публика не знала истинного автора, и вся слава была присвоена переводчиком себе.

Среди множества произведений Мирзы Шафи Вазехи выделяются 52 стихотворения, посвященные некой Зулейхе. Они настолько понравились композитору Петру Чайковскому, что он их перевел с немецкого на русский язык.

*Как увижу твои ноженьки я,  
Не могу понять, о дева рая,*

*Как они могут красоту твою нести,  
Столько красоты...*

*Как увижу твои рученьки я,  
Не могу понять, о дева рая,  
Как они могут наносить такие раны,  
Такие раны...*

*Как увижу твои губки я,  
Не могу понять, о дева рая,  
Как они могут в поцелуе отказать,  
Отказать...*

*Как увижу твои глазки я,  
Не могу понять, о дева рая,  
Как они могут больше требовать любви,  
Чем моя...*

*Снизойди ко мне,  
Слышишь, как бьется сердце, о дева рая,  
Ты такого сердца не найдешь,  
Песню сладкую мою услышь,  
Лучше меня никто, о дева рая,  
Твою красоту не воспевает.*

Так начинается одно из 12 стихотворений. А другой композитор, Антон Рубинштейн, на эти слова написал музыку.

Возникает вопрос: какое отношение имеет все это к нашей героине – Нух-Бике?

Самое непосредственное. Как установил писатель Р. Расулов, Зулейха, которой посвящены стихи, и Нух-Бике – одно и то же лицо. Р. Расулов пишет: «В одной из книг сообщается, что Мирза Шафи и Нух-Бике хотели соединить свои жизни и даже сделали попытку бежать, но, обрученная с аварским ханом по имени Ахмед, беглянка была поймана, и Мирза Шафи навсегда потерял свою любимую».

Фазиль Рахман-заде в своей книге «Дар судьбы» (Баку, 1990. С. 139) пишет, что «в истории азербайджанской литературы нет, наверное, второго такого писателя, как Мирза Шафи Вазехи, чья творческая деятельность и художественное наследие были бы окутаны таким туманом неизвестности...»

Может, будущим исследователям удастся раскрыть тайну того, что произошло между великим азербайджанским поэтом и вдохновившей его несравненной дагестанкой.

## «...С чем сравню...»

Вскоре после Кавказской войны началось строительство дороги между Темир-Хан-Шурой и Ботлихом. Она проходила через горные аулы Аркас и Аракани. Строителей развлекали танцоры и музыканты, канатоходцы и певцы, приглашенные со всего Нагорного Дагестана. В работе принимал участие и поэт Тажутдин Чанка из Батлаича. В Араканах он встретил певицу Айшат и воспылал к девушке горячим чувством. С той минуты ему стало все нипочем, в том числе и строгие правила адата, запрещавшие открыто, всенародно восхищаться женской красотой, тем более ее воспевать. Поэт не мог молчать, хоть сошли в Сибирь, хоть на месте казни... Вот тогда-то и родилась его знаменитая песня «Араканинка»:

*Пусть потом и стыдно будет —  
Все открою, не тая.  
Пусть весь мир меня осудит,  
Но молчать не в силах я.*

*О зачем, араканинка,  
Ты приехала в Чалда?  
Лучше б нам, араканинка,  
Не встречаться никогда!*

*Был я бит судьбой сурово,  
Беды шли со всех сторон,  
Ты пришла – и мукой новой  
Я, страдалец, уязвлен...*

*Дразнишь ты жемчужной кожей,  
Гордой поступью своей...  
О неладный свет! О боже!  
Эта мука всех страшней!*

*Вижу стан великолепный —  
И немею, задрожав,  
Взор твой встречу я – и слепну,  
Словно солнце увидав.*

*С чем сравню я это тело?  
Как убога наша речь...  
И пылинка б не посмела  
Лечь на белый мрамор плеч.*

*Лоб твой зеркала яснее,  
Гладок, нежен, как атлас,  
Словно буквы нун, чернеют  
Брови с яхонтами глаз.*

*Всех жемчужин мира краше  
Подбородок твой литой.*

*Как серебряные чаши,  
Грудь, скрытые фатой.*

*Сладки звуки милой речи,  
Как стихи, поют слова,  
О тебе летит далече  
Восхищенная молва.*

*И люблюсь я, тоскую  
И не в силах я понять:  
Неужель тебя, такую,  
Родила простая мать?*

*До кончины не расстанусь  
Я с мечтою о тебе,  
Хоть судьба и не свела нас—  
Благодарен я судьбе.  
Ты уходишь, дорогая,  
Ждет тебя далекий путь.  
Об одном прошу тебя я:  
Не забудь... О не забудь!<sup>15</sup>*

Эту песню без устали мог повторять Тажутдин Чанка.

В 1974 года самым старым жителем аула Балахани Унцукульского района считался 100-летний Гаджи-Магомед Мирзоев. Я к нему заходил в сопровождении местных педагогов. Когда речь зашла о женской красоте, дед встрепенулся и сказал: «Я знал Айшат Араканскую. Она приходила на мою свадьбу с братом Ахмедом. Айшат я запомнил стройной, среднего роста. Танцевала красиво, не хуже, чем пела. Я, как жених, сидел за столом и думал: вот бы мне такую жену, как Айшат. Лучше бы не приходила в Балахани. Она светилась, как солнечный луч. Я не поэт, а то бы подобрал слова, достойные ее красоты. Два дня шла свадьба, два дня я ее видел, а запомнил на всю жизнь...»

Но вернемся к поэту и поэтессе.

Не бывает любви без страданий. Находились люди, исподтишка бросавшие на них злобные взгляды. Но по другой причине Айшат и Тажутдину не пришлось сойтись. А по какой, ни близкие, ни знающие ее мне не могли точно сказать. Так, туманные намеки, а настоящая причина осталась для нас тайной.

Стоит рассказать об отношении сельчан к своей поэтессе. Муж никогда не запрещал Айшат выступать перед публикой, жители же с восторгом принимали ее пение.

Когда в село приезжал царский чиновник, генерал, наиб округа или какая-нибудь другая знаменитость, Айшат по просьбе бегаула и стариков выступала с песнями, импровизациями.

...В Гимрах, на родине Шамиля, имелось такое развесистое дерево, что в тени его могли отдыхать все жители аула.

Однажды из Аракани пришли аксакалы и просят: «Мы построили молельню, но для омовения не хватает ванны. Если уважите нашу просьбу, мы для этой цели спилили бы ваше знаменитое дерево».

---

<sup>15</sup> Перевод с аварского Д. Голубкова.

Послушали гимринцы, почесали затылки, но решили пойти навстречу араканцам. Последние спилили дерево, тут же обтесали его, сделали громадную, в три сажени длиною глубокую лоханку, а затем несколько десятков молодцев на плечах с трудом понесли удивительное сооружение. Тащили день, тащили два. Наконец, дошли до того места, где дорога от Аварского Койсу круто идет наверх. Сил уже не хватало. На арбу лохань не положишь – не поместится, да и быки такую ношу не потянут.



**Аул Аракани. Рисунок Г. Г. Гагарина**

Догадался араканский бегаул. Он привел Айшат и при народе попросил: «Спой!». Ее не надо было упрашивать. Она пела и шла в гору, а тут народ из аула высыпал, помогает, подбадривает...

До сих пор цела ванна из гимринского дерева, в которую день и ночь стекает холодная родниковая вода...

В 1927 году Айшат Араканская вместе с Татамом Мурадовым, его племянницей Барият, гармонистом Шубаевым, бубнистом Ядо и певцом Умаром Арашевым ездила в Москву, где дагестанцы выступали с концертом. О поездке в столицу мне рассказала Барият Мурадова:

«Когда Айшат вышла на сцену, то застыдилась и стала боком к зрителям, кусала губы, чтобы не заплакать, а мой дядя Татам из-за кулис по-аварски шепчет: «На публику смотри!». Через несколько минут, может быть, самых долгих в ее жизни, она освоилась, запела. Пела она песню Махмуда. Целая капелла в маленьком горле. После приезда в Махачкалу Айшат уехала на родину, и более я ее не видела. Уверяю – она пела бесподобно».

В 1968 году я встречался с дочерью Айшат Араканской – Патимат Асельдеровой и записал следующий рассказ:

«Первым мужем моей мамы был Асельдер. От него было двое детей, которые умерли в раннем возрасте. А третьей была я. С моим отцом, Асельдером, мама разошлась, когда мне исполнилось два года.

Маму запомнила полной, рослой, со светлым лицом. Главное, глаза – бездонные колодцы. Жаль, что не существует ее фотографии, все бы сказали – красавица. Смелая была. Одевалась во все черное. Лицо не закрывала. Была автором песен, которые сама исполняла. Не знаю, правда или нет, люди говорили, что при царе Николае ее возили в Москву, где она выступала с песнями, и домой ее отпустили с подарками, в числе которых была почему-то и лошадь. В это время я жила у отца в Дженгутае.

Второго мужа мамы звали Джахбар. Он имел в Араканах магазин да в придачу и мельницу. Всегда в его доме или на мельнице слышались песни. Заходи, кто хочешь. После революции Джахбар ремонтировал дороги и до самой смерти получал пенсию».

В 1927 году в Аракани прибыл начинающий композитор Готфрид Гасанов с художницей Екатериной Львовой. Гасанов вез на лошадях ящики с фонографом и восковыми дисками. Тогда-то и были записаны песни из уст самой поэтессы. Бывший при Гасанове переводчиком Сааду Нурмагомаев вспоминал, что, несмотря на то, что Айшат Алиевой тогда было за 60 лет, голос ее отличался необыкновенной чистотой. Не впервой было сельчанам слушать свою землячку, но после каждой песни араканцы громко одобряли Айшат словом: «Баркалла!». Умерла она в 1954 году в возрасте 84 лет. Похоронена в родном селе.

А я думаю, не сохранились ли восковые диски? Хоть бы голос певички услышать нам, потомкам.

## Урижа

В июле 1968 года я посетил дом телетлинца Магомед-Тагира Магомедова и записал трагическую историю девушки по имени Урижа. Вот она.

В ауле Заната жили крестьяне, муж и жена – Осман и Манарша. Женщина была на сносях, когда внезапно от холеры скончался Осман. Родилась девочка, которую нарекли Урижей. Ребенок был редкой красоты.

Урижа с каждым годом хорошела, и к 18 годам слава о ее красоте шла по всей округе, и не один воздыхатель думал по ночам о ней. Рассказывают такой случай. Урижа полола кукурузу, а в это время из Верхнего Батлуха ехал всадник. Услышав пение, он остановил коня, чтобы увидеть лицо девушки. Потрясенный ее внешностью, он понял, что ни украсть Урижу, ни заставить полюбить не может. Стеганул лошадь плетью и помчался вдаль. На одном из поворотов он вылетел из седла, ударился головою о камни и отдал богу душу.

Богачи сватались к ней, в их числе и человек с жирным лицом и бычьим затылком – бегаул Занаты. Он тайно слал ей подарки, но Урижа оставалась холодна к драгоценностям и так же тайно возвращала их. От встреч с ненавистным человеком она, оберегая стыдливость, ловко ускользала.

Некоторые люди, как известно, сплетничают с особенным удовольствием. Так и здесь. Осведомители донесли бегаулу, что Урижа и пастух Али безумно любят друг друга. А в это время снова разразилась холера.

Бегаул, не иначе как тронувшись умом, пустил слух, что Заната наказана богом холерой и что спасти жителей аула можно, если Урижу заключить в глухой пещере, а пастуха Али неотлучно держать у скотины, чтобы более они не видели друг друга. Родственники чабана предлагали ему лечь в постель, будто заразившись холерой, а он отвечал: «Мужчина днем должен лежать только в саване!».

С тех пор девушка не появлялась в Занате. Как-то раз, когда батлухцы пришли в лес за валежником, услышали песню Урижи:

*Бывало, утречком ко мне  
Подруги сердца собирались,  
Что нынче стало такое?  
Знать, они уж не те?*

*Бывало время, по ночам  
Меня любимый навещал,  
А нынче его не видать,  
Может, сердцем охладел?*

Дальше она пела, чтобы над аулом дождик полил, чтобы девушки домой вернулись. Пусть на Талакоринские горы снег упадет, чтобы милый скорей с отарой спустился.

Батлухцы подошли к пещере и увидели, что здоровье девушки подорвано, ей осталось жить немного. Из Занаты прибежала мать.

*– Ой, мама, умру я, умру.  
Уж на левом плече моем  
И на правом боку тоже  
Печать смерти – гибели моей.*

Она просила кольца свои раздать подругам и плакальщицам. Пусть ее тело на кладбище понесет, кроме других, и Али...

На следующий день умерла занатинка, будто закатилось солнце. От горя мать ее сошла с ума, а пастух, услышав, что возлюбленная при смерти, просил вырвать его сердце и передать Уриже. Только тогда люди поняли, кто виноват в гибели возлюбленных, и сочинили свою песню, где есть и такие слова, обращенные к бегаулу:

*Да убьет молния злодея,  
Главу аула – злодея,  
Что на ссылку осудил  
Красоту твою солнечную.*

На стене пещеры, где ютилась Урижа, до сих пор можно увидеть изображения человеческих фигур, коня и кистей рук.

Описываемое событие произошло, как считали местные старожилы, в 1884 году. Жители Занаты останки девушки перенесли на сельское кладбище, но точное место, где она погребена, вряд ли кто вам покажет, а вот песня о судьбе влюбленных до сих пор бытует в наших горах. Ее-то и записал мой товарищ М.-Т. Магомедов.

## Крепость семи великанов

Много в Табасаране крепостей – в Гумейди, Дарваге, Зиле, Ерси, Хели-Пенджи, Дюбеке и в Хучни.

Построенная несколько сот лет назад, Хучнинская крепость и до сегодняшнего дня не потеряла своей величественности: длина ее стен – 200 метров, толщина – 2 метра и высота – 8 метров. В стенах имеется до 20 амбразур и два входа, один из которых в последнее время забит наглухо камнями. Сооружение, к сожалению, заброшено.

Внутри крепости на площади 400 кв. метров растут несколько деревьев алычи, грецкого ореха, фундука, по стенам расползлись хмель и дикий виноград.

О происхождении этой крепости – в народе ее называют Крепостью семи братьев и одной сестры – рассказывают разные легенды и предания.

Вот одно из них. В Хучни жил мастер-каменщик по имени Аслан. Было у него семь сыновей и одна дочь. Сыновья – великаны. К примеру, чтобы сшить им чарыки, не хватало шкур нескольких буйволов.

Услыхал о них правитель Хучни Рустам-хан. Призвал к себе и говорит: «Город наш охраняется горами со всех сторон. Только с севера открыта дорога врагам. Сумеете ли построить крепость?»

Братья потребовали 7 буйволов, 7 быков, 77 баранов и обещали за 2 месяца выполнить приказ хана. Так и случилось. Довольный хан и джамаат Хучни подарили братьям земли вокруг крепости. Братья по очереди несли дозор, а сестра готовила им еду.

О красоте девушки Хуру-Бике по округе разнеслась молва. Много женихов сваталось, но не добилось ее руки. Не хотела Хуру-Бике расставаться с братьями.

Но вот на Дагестан напали персы, вел их полководец Юсуф-паша. Остановился в местности Хербе-Гуран. Сам отправился в разведку. Вдруг выстрел – дырка на папаче. Еще выстрел – еще дырка. Оказывается, стреляла сестра братьев. Не хотела она убивать Юсуф-пашу, решила только напугать, потому что он был несказанно красив.

Полководец увидел Хуру-Бике, когда она набирала воду. Долго любовался ею, день и ночь думал о красавице. Затем призвал колдунью, и та обещала уладить все в три дня. И действительно, колдунье удалось убедить девушку в том, что Юсуф-паша полюбил ее и хочет перейти на их сторону, а девушка должна залить ружья своих братьев рассолом. Так и сделала ослепленная любовью к чужеземцу Хуру-Бике.

На следующий день начался штурм крепости. Но что это? Ружья молчат. Поняла Хуру-Бике коварство старухи и свою измену. Бросилась в ноги братьям, рассказала все. Сели братья на коней, бросились вниз, пересекли Рубасчай и скрылись в лесу. Враги захватили крепость. Пришла в себя девушка и кинулась душить колдунью. Но было поздно.

Юсуф-паша, говорят, сказал: «Если предала братьев, то меня, чужеземца, давно предашь», – и приказал убить ее. Схватили девушку и бросили в пропасть.

Прошли годы, столетия. Над тем местом, куда бросили отступницу, вырос каменный холм. И место это в народе стало считаться проклятым. Каждый прохожий бросал на холм семь камешков и семь раз произносил проклятие.

Лес на крутом правом берегу Рубасчая, куда скрылись братья-герои, много сделавшие для защиты Табасарана от иноземных захватчиков, с тех пор считают священным.

## Шамхал любовался...

У кафыркумухца Мирзы была прекрасная лошадь. Она понравилась шамхалу, но он никак не мог заполучить ее и пошел на хитрость. Отправил Мирзу в дальние края с каким-то поручением. В письме, которое вез кафыркумухец, говорилось, что посланца, то есть Мирзу, надо непременно убить.



### Кафыр-Кумух. Дворец шамхала

Каким-то чудом ему удалось спастись. Ничего не подозревая, он вернулся в родной аул, но увидел лишь развалины своей сакли. Нукеры шамхала увели и его коня.

Мирза подался в абреки, чтобы отомстить вероломным людям. С ним в горы ушла и его возлюбленная – дочь шамхала Патимат. Долго жили влюбленные на свободе, но однажды с помощью изменника они были схвачены.

И вот, повествует народное предание, отец придумал для своей дочери и Мирзы страшную смерть. По его приказу привезли дрова и сложили у подножия скалы Кала в Кафыр-Кумухе. (Это там, где ныне проходит железная дорога). Дрова подожгли, а возлюбленных столкнули в пылающий огонь. С крыши своего дворца шамхал любовался этим диким зрелищем.

## От Ахульго до Гуниба

В историко-документальной книге «Шамиль» Петр Павленко среди других героев отметил имя одной женщины такими словами:

«Зайнаб, жена бессменного имамова дипломата и, так сказать, статс-секретаря по иностранным делам, сражалась во главе группы мюридов».

Мне было нетрудно угадать, что речь шла о жене знаменитого чиркейца Юнуса. Факт сам по себе замечательный. Но в отношении Зайнаб была одна заковыка, мимо которой я никак не мог пройти. Павленко написал, что героиня была таткой по национальности.

Получалось, что Юнус, храбрец из храбрецов, друг и советник Шамиля, был обручен с иудейкой Зайнаб? Как это могло случиться? Где они могли встретиться?

Сразу возникает еще один вопрос. Неужели среди аварок Чиркея славный Юнус не мог найти себе спутницу жизни? Неужели только беспредельная храбрость Зайнаб приковала цепями к себе чиркейца?

Эти и другие вопросы возникали у меня, ответы на которые я не мог найти до одного случая.

Было это более 50 лет назад. Тогда на площади моего города еще мозолила глаза обезглавленная громадина Андреевского военного собора. Впритык к нему стоял газетный киоск, где торговал мой добрый знакомый Исая Ильясов. Однажды он с одним из покупателей заговорил на аварском языке.

– Откуда Вы родом? – спросил я Ильясова.

– Из Чиркея, – отвечал он.

Это было удивительно. Тат – и вдруг родом из аварского аула? По моей просьбе Ильясов рассказал следующее:

– Родился я в Чиркее в 1888 году. Мои предки – выходцы из селения Маджалис. Пятьсот лет назад многие таты покинули этот населенный пункт и подались кто в Хунзах и Хаджалмахи, а кто в Унцукуль и Гергебиль. В районе Аракани, говорят, было восемь татских аулов. Наш тухум остановил свой выбор на Чиркее. Жители этого аула давали сырье, а мы выделывали кожу. Стороны были довольны друг другом. В ауле мы не носили оружия, но, отправляясь, например, в Темир-Хан-Шуру, брали кинжалы. Во время Кавказской войны Шамиль отправил моего дедушку Рахмана в Грузию за покупками. Рахман выполнил поручение имама честь честью, за что получил коня и другие подарки. После этого случая сильно возрос авторитет нашего тухума. Когда началась революция, мы перебрались в Темир-Хан-Шуру...

Я допустил большую промашку, не спросив у Ильяса, знал ли он что-нибудь о Юнусе и Зайнаб. А когда занялся вплотную этим вопросом, киоскера уже не было в живых.

Как говорят, кто ищет – тот найдет. Заведующий кафедрой ДГУ, профессор Людмила Хизгиловна Авшалумова назвала мне адрес дербентского жителя Семена Ягияева – одного из потомков героини Ахульго и Гуниба.



**Аул Чиркей. Фото начала XX века**

У Семена Ягияева был дед по имени Пинхас, проживший 103 года. Скончался он в самом начале Великой Отечественной войны. В ту пору моему информатору Семену Ягияеву исполнилось 14 лет, поэтому он помнил, как послушать его деда сбегалась детвора со всего квартала. Легенды, предания и правдивые истории, которые живо излагал древний Пинхас, неотразимо действовали на детское воображение. Чаще всего Пинхас рассказывал о Шамиле, о своем отце Яхье, его сестре, белой, как сдобная булка, Зайнаб, будущей жене чиркейца Юнуса.



**Юнус**

Обычно беседы Пинхаса кончались танцем «Лезгинка Шамиля». В этом искусстве никто из детей не мог соперничать с моим информатором Семеном.

По рассказам старика получалось, что среди таток Чиркея самой привлекательной была Зайнаб. Она была несравненно заметнее своих соплеменниц. В семейных преданиях говорилось, что Зайнаб была хорошо сложена, имела огромные голубые глаза при черных, непослушных прядях волос на голове. В общем, какая-то дикая красота. Лицо ее невозможно было забыть. Может, это было причиной того, что нрав у нее был что погода в наших горах. И только Юнус сумел укротить ее своей любовью. С разрешения Шамиля Юнус выбрал ее спутницей жизни, однако с условием, что девушка примет мусульманскую веру. Это устраивало и родителей Зайнаб, так как теперь они в Чиркее оказывались в особом положении.

Со своим мужем Юнусом ушла на войну и его юная жена, которая на коне с саблей в руке сражалась в самой гуще боя. Ее называли «Тигрицей». Раз она проникла в царскую крепость Темир-Хан-Шуру, где была опознана и схвачена.



### **Семья татов**

Об этом факте Юнус сообщил имаму, и тот повелел любой ценой спас ти храбрую воительницу. Указание Шамиля было успешно выполнено.

В обороне Чиркея Зайнаб также принимала участие. Рассказывают, что к луку седла героини была приторочена веревка. С ее помощью она приволокла в свой лагерь царского офицера. В другой раз она спасла мужа, попавшего в окружение.

Как известно, в августе 1859 года Шамиль на Гунибе дал последнее сражение, в котором не только мужчины, но и женщины показали чудеса стойкости и героизма.



### **Шиндув Ягияев**

Среди последних мы опять видим жену чиркейца. Об этом мы находим свидетельство не только у Павленко, но и у зятя Шамиля Абдурахмана, который тоже находился вместе с защитниками Гуниба.

Он писал, что «Зайнаб надела на голову чалму и в таком виде ходила с обнаженной шашкой по улицам аула и возбуждала мужчин к бою. Раньше она прославилась на Ахульго».

Говорят, Шамиль рекомендовал Юну су и Зайнаб уехать в Турцию, но по какой-то причине этого не удалось сделать.

Как сообщил Семен Ягияев, у четы из Чиркея имелось двое детей, но ни их имен, ни что с ними стало мой информатор не знал.

Считают, что Аксай стал последним местом упокоения бесстрашной Зайнаб.

Добавлю, что в роду этой женщины имелось немало людей, посвятивших себя военной службе. Среди них генерал-лейтенант Красной Армии Шиндув Ягияев.

## Глазами просвещенных людей

У меня есть возможность взглянуть на красавиц XIX века глазами двух просвещенных людей, из которых один дагестанец – зять Шамиля Абдурахман, а другой – всемирно известный художник, немец Теодор Горшельт.

Зять имама выделил шесть населенных пунктов, все они населены аварцами и представляют в основном Гунибский округ.

Вот что сообщает Абдурахман Казикумухский о внешних данных слабого пола Глоха, Гоцатля, Ругуджи, Хоточа, Хиндаха и Чоха. Начнем по порядку.

Глох. «Мужчины... проводят время в беседах на очаре, который не бывает пустой ни днем, ни ночью. Женщины у них красивы, имеют желтоватый оттенок лица из-за палящего солнца. Хозяйственные работы мужчины и женщины проводят совместно».

Гоцатль – родина Гамзат-бека. «Женщины, особенно девушки, красивы. Красивые дворы, дома... Женщины носят золотые и серебряные браслеты и кольца. Они готовят вкусный напиток из винограда. Одеваются чисто и нарядно».

Ругуджа – «Аул красив, с башнями и похож на венец всех андалалских аулов. Женщины здесь красивые. Домашнее хозяйство ведут хорошо. Они сильны и выносливы, особенно при уборке хлеба, косьбе трав, работают под палящим солнцем... ругуджинские женщины покрывают свои головы особыми уборами, которые обвязывают кусками материи, как чалму, а поверх этого накидывают платок. Носят длинные шаровары и рубашки, на ногах сафьяновые чувяки с подметкой из коровьей выделанной кожи. Во время жатвы на руки надевают длинные нарукавники, чтобы сохранить руки...»

Хоточ и Хиндах – «Женские лица миловидны».

Чох – «Женщины у них очень красивые, надевают длинную вуаль, а под ней убор, вроде маленькой короны с длинным шлейфом, и поверх всего этого накладывается еще четырехугольный платок. На ноги надевают красные сафьяновые сапожки с длинными голенищами, подбитыми железными гвоздями, чтобы зимой, в грязь и лед не поскользнуться. Женщины Чоха ходят за водой и на полевые работы, весной одеваясь кокетливо, нарядно, особенно стараются перед молодыми ребятами те, которые горят желанием выйти замуж...»

## Мимолетное видение

В 1858 году Теодор Горшельт попадает на Кавказ. Сперва он пребывает в Грузии, а затем, пройдя через Кодорский перевал, оказывается в Дагестане. Его внимание привлекают горянки, облаченные в голубые или серые платья. Головы женщин и девушек были покрыты длинными платками, под которыми имелись чохто, украшенные серебряными монетами. Шеи женщин и девушек украшали несколько рядов бус. Уши привлекли внимание путешественника серьгами также из серебра.

Знаменитый художник как бы нечаянно старался заглянуть под головные уборы, чтобы найти лица, достойные его кисти.

И вот что из этого получилось.

«Каждый мужчина, хотя и не каждая дама, найдет совершенно понятным, что первой нашей мыслью было сделать смотр женщинам, чтобы потом на своей родине рассказывать чудеса о горских красавицах, – так начинается свой рассказ Теодор Горшельт. – Ну и увидели же мы: маленькие, невзрачные фигуры, большинство с некрасивыми лицами, некоторые, может быть, и были хороши, но только, должно быть, уж очень давно. Однако и здесь оправдалась поговорка: «Нет правила без исключений».

Пока мы стояли так вместе и готовы уже были произнести окончательный приговор лезгинкам, подошел к нам поручик Штрандманн с известием, что он открыл удивительную красавицу. Он повел нас, прося только, чтобы мы не очень явно показывали свое любопытство, потому что муж, видимо, пришел уже в очень дурное расположение духа от постоянного глазенья на его жену. С величайшими предосторожностями пустились мы выслеживать зверя, показывали друг другу очень усердно вещи, лежавшие совершенно в другом направлении; угощали друг друга папиросами и закуривали их по возможности медленнее, чтобы иметь предлог постоять, и только по временам отваживались метать быстрые взгляды в цель нашего странствия. Штрандманн несколько не преувеличил, это была совершеннейшая красавица: с гибкостью пантеры лежала она, растянувшись на траве, пронизывая нас время от времени быстрыми, как молния, взглядами своих черных глаз. На ней была бледно-зеленая рубаха, подхваченная белым поясом, красный нагрудник, зашитый монетами и всякими украшениями, на голове платок, тоже зеленый с красным и тоже усеянный множеством монет, низко спускался на спину, на ногах были белые чулки, почти доходившие до колен, сделанные из овечьей шерсти, с зелеными узорами и с толстыми веревочными подошвами. В ушах висели огромные серебряные кольца, волосы, подстриженные в пол-лба, спускались по сторонам густыми косами с вплетенными монетами. Муж пресердито стоял возле нее и, казалось, посылал нас Бог знает куда.

Впрочем, ни ему, ни другим мужьям нечего было слишком опасаться нас: прошел слух, что у них еще очень недавно свирепствовала оспа, и поэтому мы тщательно избегали всякого прикосновения с ними, может быть, этот слух и был искусно пущен молодым, ревнивым супругом.

Дети вообще были очень красивы»<sup>16</sup>.

Сами понимаете, что художнику пришлось довольствоваться красавицей как мимолетным видением. В то же время наблюдения Теодора Горшельта говорят о том, что во все времена в Дагестане не переводились красавицы.

---

<sup>16</sup> Молодежь Дагестана. № 25. 5 июля. 1996.

## Если по закону

Согратлинец М. А. Абашилов рассказал об одном удивительном человеке, которому еще при жизни надо бы поставить памятник, да вот не догадались люди.

Звали его Нурмагомедом, он был одним из многих сыновей Чупалава Согратлинского, отличившегося в боях против Надир-шаха.

По воспоминаниям очевидцев, Нурмагомед имел высокий рост, широкие плечи, карие глаза, светлые волосы, продолговатое лицо и нос, как у отца Чупалава, крупный.

Когда началась Кавказская война, он сперва в ней участвовал как рядовой мюрид. Затем его заметил Шамиль и сделал наибом.

Смелый и отважный, Нурмагомед особенно отличался в разведке. Его любимым выражением было: «Ползком туда – пулей оттуда», имея в виду осторожность при проникновении в тыл противника и стремительный отход после выполнения задания. Слово «ползком» на аварском языке звучит как «хуршун», отсюда у нашего героя возникло прозвище – «Хурш». После паломничества в Мекку, а случилось это после окончания войны, прибавилось еще одно слово – «Гаджи».

Теперь его называли в лицо и в спину не иначе, как Хурш-Гаджияв. Старики Согратля помнили, что Шамиль высоко ценил своего наиба и наградил орденом. Нурмагомед был предан имаму, только один раз ослушался его, когда 25 августа 1859 года на Гунибе отказался сложить оружие. Так же поступила и его жена Хачурай, которая наравне с мужчинами участвовала в уличных боях в последней цитадели имама на Гунибе.

Будет справедливо, если мы добавим несколько слов о Хачурай. Для этого мне следует несколько отступить назад в своем рассказе.

Во времена Шамиля существовал закон, по которому женщины, потерявшие мужей на войне, имели право выбрать по своему желанию нового суженого. Так вот, чтобы проверить, как выполняется указание Шамиля, Нурмагомеду приходилось ездить из аула в аул. Однажды его вызвали в селение Унти, где местный дибир сообщал, что вдова по имени Хачурай отказывается исполнять закон. По приказу Нурмагомеда к нему доставили ослушницу.

Наиб был поражен молодостью и красотой женщины, но, вспомнив, во имя чего приехал в Унти, занялся агитацией, что строго надо выполнять указание имама, иначе она понесет наказание – будет посажена в глубокую яму на хлеб и воду.

Слушая все это, Хачурай молчала, будто набрав воды в рот. Не говорила ни да, ни нет. Наиб был уверен, что достиг цели, и спросил, кого бы она хотела выбрать мужем.

Ответ был ошеломляющим. Красавица сказала, что она ни за кого не хочет выходить, но если грозный наиб возьмет сам ее в жены, то она исполнит приказ имама.

Свое ликование Нурмагомед не показал, но с радостью увез Хачурай с собою.

## «Бэла» из Чирага

Какие только удивительные истории ни происходили на земле Дагестана! Одна из них описана в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Книга повествует о том, как русский офицер Печорин захватил в плен девушку Бэлу и держал ее в крепости «Каменный Брод».

На первый взгляд, сюжет этой части романа кажется вымышленным. Я считаю, что великий поэт непременно слышал немало историй, из которых постепенно возникла удивительная «Бэла».

А происходили ли подобные истории в Дагестане? Да, и притом не однажды. Чтобы не быть голословным, приведу лишь два примера.

В 1912 г. в Ботлихе стояла рота 207-го Ново-Баязетского полка. Некий поручик – красавец увлекся местной девушкой Патал-Баху. Любовь оказалось взаимной. Она ушла за толстые стены крепости. Легко догадаться, что день возвращения домой для красавицы Патал-Баху был бы и последним. Но и в крепости девушка оставаться не могла, не могла заглушить укоры совести. Родственники девушки не трогали поручика до поры до времени, до удобного случая. Узел был до того затянут, что распутать его никто не мог. Не находя выхода, возлюбленный покончил жизнь самоубийством.

«Бэлу» нашел я и в Чираге. Правда, здесь нет точного совпадения с перипетиями главы из «Героя нашего времени» и с ботлихской историей. Да это и не обязательно.

Директор чирагской школы Магомед Курбанисмаилович Мамацаев поведал мне: «Лет 15 назад я был в гостях у даргинского композитора Магомеда Касумова. Вечер прошел очень интересно, но одна история, рассказанная его супругой, взволновала меня. В годы Кавказской войны в Чираге жила редкой красоты девушка, ну чисто бриллиант. Она, конечно, не могла быть не замеченной офицерами Чирагского укрепления. Двое из них, понимая, что родители девушки ни за какие блага на земле не выдадут ее за иноверца, решили похитить красавицу. Прошло какое-то время, как офицеры сумели выполнить свой опасный до чрезвычайности план. Решив отвезти девушку в Тифлис, они пошли даже на такой крайний шаг, как дезертирство.

Узнав о происшествии, в крепости забили тревогу. За беглецами была устроена погоня и в перестрелке тяжело ранили того, кто собирался сделать беглянку своей супругой. Умирая, он завещал товарищу, чтобы тот в Тифлисе передал ее высокопоставленному родственнику. И так как после случившегося горянка не может вернуться домой, то пусть живет у его близких. Как просил умирающий, так и случилось. Сперва чирагчанка попала в Тифлис, где, кроме прочих интереснейших людей, ее познакомили с А. С. Грибоедовым и его милой женою княгиней Ниной...

Судьба так распорядилась, что дагестанка оказалась в Москве. На одном балу все обратили внимание на броскую внешность девушки. На том же балу присутствовал и А. С. Пушкин.

Когда ему рассказали о приключениях горянки, это так заинтересовало Александра Сергеевича, что он, рассказывая, задумал написать о ней то ли стихотворение, то ли поэму. Может, гибель Пушкина на дуэли помешала исполнить эту задумку?

Тем временем девушка испытывала нестерпимую тоску по родине. Природа брала свое. Поэтому, бросив все, она решила немедленно возвратиться в Тифлис. Но и здесь она не нашла успокоение. В один осенний день, когда над городом нависли тучи и стал накрапывать дождь, чирагчанка на лошади промчалась по улицам Тифлиса, будто амазонка, и, не раздумывая ни минуты, бросилась с моста в Куру...

– Я спрашивал у 90-летнего устаза Сааду, – продолжил свой рассказ директор школы М. К.-И. Мамацаев, – насколько правдива эта история? Он назвал один из наших тухумов, где имелась такая красавица, которая на самом деле трагически погибла...»

На этом месте можно было бы поставить точку, однако необходимо сказать еще вот о чем. Композитор Магомед Касумов решил написать музыку ко всему выше рассказанному. И, если это случится, мы будем иметь удовольствие увидеть и услышать первую даргинскую оперу о «Бэле» из аула Чираг и ее неразделенной любви.

## Расплата за любовь

С тех пор, как я услышал печальный рассказ о судьбе ботлихской красавицы, прошло более 40 лет. И вдруг узнаю, что есть человек, который в эту историю может внести некоторую ясность.

Дорога привела меня в Махачкалу, в дом Набиюллы Хусаевича Магомаева, 1928 года рождения, ботлихца, лейтенанта милиции, ушедшего на пенсию в 1988 году.

Вот что он мне рассказал: «Когда мама, Залиха, умерла, меня приютила двоюродная сестра отца тетя Нуцалай. Как-то, проходя мимо главного женского годекана, она замедлила шаги. Оказалось, не напрасно. Нуцалай была еще 13-летней девчонкой, потому не могла ни сидеть, ни торчать на глазах у почтенных ботлихских матрон. Она стояла позади законодателей годекана, однако улавливала каждое слово рассказчицы: «У Хусамахада имелась очень красивая сестра по имени Сакинат. А у Ботлиха, как вы знаете, стояла царская крепость. Не знаю, как вы, но я ее помню, как сейчас. В крепости находились военные, почти все русские.

Кто-то из ботлихцев шепнул Хусамахаду: «Твоя сестра Сакинат гуляет с одним военным из крепости». С того дня Хусамахад лишился покоя и тайно следил за всем, что делала его сестра.

Жили они в ту пору в нижнем квартале Ботлиха, откуда до крепости надо было отшагать с полверсты. По обеим сторонам дороги располагались сады и кладбище. А от последнего до крепости, как говорят, рукой подать: 200–250 шагов.

Хусамахад пригласил своего младшего брата, рассказав, в чем дело, и поставил перед ним вопрос: «Кто решит судьбу нашей сестры: ты или я? Выбирай!». Младший, ни слова не говоря, покинул дом. С тех пор из Ботлиха исчезла и Сакинат, будто в землю провалилась. В то же время сельчане больше не видели и младшего брата. Хусамахад решил, что тот покончил с Сакинат и, чтобы не нести ответственность, исчез из аула...»

В этом месте мой информатор Н. Х. Магомаев переходит к личным воспоминаниям:

«Мой родитель обладал сильным голосом, ишаки перегибали ноги, услышав его крик, и имел злой характер. Я несколько не сомневаюсь, что и он мог решить жизнь своей сестры красавицы Сакинат».

Я задаю вопрос информатору: «По вашему рассказу получается, что в крепость ходила Сакинат, а мне хунзахец Магомед Эльдаров говорил о другой девушке – Патал-баху».

– Нет, – отвечал Набиюлла Хусаевич. – Это одно и то же лицо, хотя я не совсем уверен, что ее звали Сакинат.

Из рассказа Н. Х. Магомаева получалось, что Патал-баху не кончила жизнь самоубийством в Ботлихской крепости, а была убита братом? Так ли это или не так, трудно решить.

## Ахмат-Айсукала

Район Капчугая очень богат наскальными рисунками.

Коль скоро так, то никак невозможно обойтись без легенд.

В направлении скал, в полукилометре к северу от бывшего селения, есть озеро, имеющее в окружности не более 15 шагов. Место здесь открытое, земля – солончак, ни одного дерева, жжет солнце. Озерко и источник, его питающий, имеют собственное название – Ачи-су (горькая вода).

Было это давно, гласит легенда, во времена, когда на земле обитали чудовища. Одно из них охраняло Ачи-су. Народ узнал, что вода в источнике волшебная, исцеляет от болезней, однако чудовище убивало всякого, кто осмеливался подойти к нему.

Но раз собрались герои и, объединившись, убили чудовище. С тех пор народ пользовался лечебной водой.

Умерший в столетнем возрасте Зайнутдин Лаварсланов много лет назад рассказывал эту легенду. Люди запомнили ее и так же, как Зайнутдин, передают из поколения в поколение.

В направлении от Ачи-су к скалам, за небольшой балкой, на склоне холма можно найти множество черепков глиняной посуды, костей домашних животных, а в одном месте в камнях даже выбита лестница из 5–6 ступеней. Здесь некогда было поселение, оставившее в память о себе могильные плиты без надписей да предание о молодце по имени Ахмат.

Говорят, что стояли здесь некогда три небольшие сакли. В них жил названный Ахмат со своими друзьями.

Украл молодец у ногайского хана красавицу – дочь Айсу. За похитителем погнались. Уйти Ахмату не удалось. Один из преследователей настиг его и крикнул: «Я бы убил тебя, но ты мне нравишься. А поступить иначе тоже не могу: если вернусь без Айсу, хан убьет меня».

Ахмат подсказал ногайцу выход: «Подними руку и растопырь пальцы. Я выстрелю, раню тебя в указательный палец. Скажешь, что во время перестрелки был ранен и потому вернулся».

Так и сделали. Но через некоторое время видит Ахмат, что около скалы, на которой стояла его сакля, собирается войско. Девять дней подряд вокруг жилища горца скакали всадники. Первые три дня – на белых, следующие три дня – на гнедых и последние три дня – на вороных конях. Опечалился Ахмат, опечалилась и Айсу, потому что она уже успела полюбить джигита.

– Большое войско собирается за горою Миннелер, – сказал Ахмат. – Победить я его не сумею, остается погибнуть, а ты вернешься к отцу.

– Нет, – решительно перебила девушка возлюбленного, – умру с тобой и я.

Вышли из дому юноша и девушка, оглянулись. Высоко в небе сияло солнце. На востоке в голубой дымке угадывалось море, на юге зеленели поля, на западе меж облаков виднелись горные вершины, на севере, откуда парень привез девушку, до горизонта тянулись желтые пески.

Ахмат вывел своего скакуна, завязал ему глаза, сел на него сам и бережно посадил Айсу. Поклонившись земле, он гикнул, и конь помчался во весь опор к пропасти.

Так погибли влюбленные.

...Капчугайцы охотно показывали приезжим место, где все это произошло, и даже следы лошади Ахмата у самого края скалы. Они утверждали, что именно с тех пор левую сторону Капчугайских «ворот» называют Ахмат-Айсукалой, то есть крепостью Ахмата и Айсу.

## **Сватовство состоялось**

Парень из Кази-Кумуха засматривался на соседку-красавицу. Но о женитьбе не было и речи, пока парень не станет подмастерьем, затем мастером и так до тех пор, пока не заработает на приданое, начиная от платья и туфель на высоких каблуках и до иголки с нитками.

В день сватовства парни и жених отправились на гору и там искупались в ледяной воде родника. Жених простудился, заболел воспалением легких и готовился к смерти, когда к нему домой пришла невеста. Событие для того времени необычайное. Люди сначала почесали языками, но, когда через несколько дней жених скончался, начали искренне причитать. Долго ли, коротко ли и девушка скончалась от тоски.

Тогда кадий Кумухской мечети семьям той и другой стороны объявил свое решение: раз на этом свете не состоялось обручение, пусть на том состоится.

Несчастливого жениха вытащили из могилы, положили рядом с мертвой невестой, соединили их руки и зарегистрировали брак. Затем похоронили вместе, а народу объявили, что сватовство состоялось.

## Сердце на склепе...

Девушка из богатого тухума аула Кани Хаччу влюбилась в бедного юношу Айшалава. В их любовь вмешался Танзу. Родные девушки не решились ссориться с богачом.

Услышав об этом, Айшалав умыкнул девушку и поторопился к мулле. В этот миг в дом муллы ворвался двоюродный брат Хаччу – Гусейн. Он потребовал, чтобы Айшалав вернул девушку домой, а та твердо заявляет: «Буду женою Айшалава».

Услышав это, Гусейн пришел в ужас и, не долго думая, убил свою сестру.

... Над могилой девушки возведен скромный склеп, на котором нарисованы ножницы, расческа, ожерелье и еще что-то, похожее на сердце. Если вам у могилы Хаччу придется увидеть коленопреклоненную девушку, знайте, что жизнь ее складывается печально<sup>17</sup>.

---

<sup>17</sup> Информатор Казбек Мазаев.

## Песне не дали умереть

Когда сирота Рукижат одна трудилась в поле, ее обесчестил богач Танзу, но жениться на ней не стал. Как-то, будучи снова в поле, Рукижат стала припоминать прошедшую жизнь и пришла к горькой мысли, что так одинокой она умрет и никто не вспомнит ее.

С горя девушка сперва заплакала, а затем запела песню. Но удивительно, вместо выученных слов приходили совсем другие слова:

*И конь у тебя черный, и одежда черная,  
И душа черная, мой черный враг!*

Потом сложились другие песни, но ту первую она исполнила при всем народе на первой же свадьбе. Все догадались, о ком речь.

Так как в Кани обиженных на Танзу было много, то песням сироты Рукижат не дали умереть. А богач от злости выходил из себя, но расправиться с девушкой не мог. Не дали бы<sup>18</sup>.

---

<sup>18</sup> Информатор он же.

## Безропотно приняла удар судьбы

В тухуме Муркелинских проходила свадьба. Наступил вечер. И вот в разгар веселья, как раз когда привезли невесту, а жених, донельзя довольный, восседал на подушках, раздался выстрел.

Пуля сразила жениха наповал. Никто на свете не догадается, что сделали родственники убитого. Они тотчас отнесли его в другую комнату и укрыли буркой, а вместо него на подушки посадили другого молодца из своего же тухума. Свадьба продолжалась.

Те, кто думал свадьбу превратить в траур, опешили и усомнились: раз свадьба продолжается, убит ли жених? Покушавшийся клятвенно заверял, что видел гибель своего соперника.

Когда невесте сообщили о несчастье и имя того, чьей женой она должна стать, девушка поняла все и безропотно приняла удар судьбы...

Свадьба продолжалась в лучших традициях. В полночь, когда жених и невеста остались наедине, народ вышел за околицу, где, согласно обычаю, стреляли из ружей, извещая о непорочности невесты.

На рассвете следующего дня, похоронив убитого, молодцы из тухума Муркелинских бросились на поиски врагов, нашли их, дрались на кинжалах и шашках и за одного убитого заставили справить три тризны.

## Стрелялись

Некий житель Салта Абдурахман собрался в Мекку. У него была единственная сестра. Человек этот подумал, что он, как это нередко бывало с другими, может в пути умереть.

Поэтому призвал сестру к себе и спросил: «Скажи, кого ты любишь, я выделю землю и устрою вам свадьбу». Девушка стеснялась, но в конце концов призналась, что ей люб Али-Аскар.

– Али-Аскар так Али-Аскар, – согласился брат и велел соседке попросить к себе молодца. Дело было вечером. Соседка оказалась недоброй и, видимо, счастья для девушки не хотела. Она пробыла некоторое время на улице и, придя, заявила, что Али-Аскара не нашла дома. Через час ее попросили еще раз сходить, а затем еще раз. Но каждый раз соседка приносила один и тот же ответ: «Али-Аскар не вернулся еще домой».

Видя такое дело, брат сказал: «Зачем нужен тебе муж, который не сидит дома по ночам». Решив таким образом судьбу сестры, он вышел из сакли и через некоторое время привел одного из своих знакомых. Тот был не молод, не красив, как Али-Аскар, зато в тот момент, когда гость пришел к нему, сидел дома и был занят самым мирным занятием – ел хинкал.

Хотя новый жених сестре не понравился и гордиться ему было нечем, в ту же ночь было решено обручить их и через день-два сыграть свадьбу. Торопливость объяснялась тем, что Абдурахман должен был, как мы говорили выше, в ближайшее время отправиться с пилигримами в Аравию.

Назавтра, как и все девушки села, невеста пошла к роднику. Идя мимо годекана и увидев Али-Аскара, девушка расплакалась. Он подбежал к ней и, когда узнал, в чем дело, хотел было уже бежать к новому жениху, но девушка упростила не делать этого и найти какой-либо благоразумный выход.

– Ладно, – согласился с ней Али-Аскар, – и, хотя мне хочется вытащить из ножен кинжал, я подумаю хорошенько, что сделать ради тебя.



**Али-Аскар – во втором ряду справа, в первом ряду – Имадутдин, сочинивший элегию**

Промчались эти два дня, и настал день свадьбы. Ничего не придумал Али-Аскар. Где же было бедному распутать тот узел, который с каждым часом затягивался вокруг его возлюбленной. Если нельзя распутать, подумал он, то мы его разрубим. И пошел прямо в дом, где шла свадьба.

Получилось так, что мужчины одновременно вошли к девушке – Али-Аскар через окно, а жених – в дверь. Возник спор, они стрелялись из пистолета, и оба, к счастью, были только ранены. Обоих доставили в Гунибский лазарет, где обычно лечились русские солдаты.

– Чем же кончилась эта история? – спросите вы. Оба выздоровели, но так как адат был против Али-Аскара, то ему осталось у окна возлюбленной пропеть последнюю песню и навсегда с нею расстаться.

## Нарушил адат

Файзуллах и Баху из Хосреха были обручены. Осенью ожидалась свадьба. Но Файзуллаху не терпелось поскорее встретиться с невестой, и он украдкой отправился за 12 километров на хутор, где находилась Баху. Девушка вышла к возлюбленному.

Дело было к ночи. Наверное, были поцелуи и клятвы. Об их свидании узнал брат девушки Курбан. В километре от хутора он догнал обрученных. Заспорили, и Файзуллах убил будущего родственника. Тогда Баху отобрала кинжал у жениха и, не задумываясь ни на минуту, покончила с собой.

Файзуллах сидел в тюрьме, и все люди осуждали его не за то, что убил человека, а за то, что забрал девушку раньше времени, чем нарушил адат.

## Поставил условие

Хан аула Тантари полюбил девушку из Инхело. Сватать отправил почетных людей. Тамошний хан поставил условие: если жених построит такую же башню, как у меня, и вырастит такие же сады – выдаст дочь.

Вернулись сваты. Так и так. Видно, любовь хана Тантари к девушке была сильна. На берегу Андийского Койсу нашел уютный уголок рядом с водопадом. Народ построил копию инхелинской башни, вырастил сады, и тантаринский хан, согласно уговору, женился. Сады и башня – дело рук народа – до сих пор существуют.

В башне три этажа. На нижнем – готовили и хранили вино. Задумано было так: если враги захватят первый этаж, то, выпив, опьянеют, и легко будет их перебить. На втором – готовили пищу. На случай, если возьмут и эту часть башни, врагов можно будет прикончить во время еды. На третьем этаже отдыхали, спали.

Предполагали, если враги заберутся на самый верх, то тогда сами выбросятся с 10-метровой высоты.

## Вот твоя подпись...

Четвертым сыном ученого Гасана-Эфенди был Али, учившийся в Петербургском университете. Он был разносторонне развитым: знал фарси, английский, немецкий, французский, испанский языки.

Но речь не об этом. Как-то Али приехал из Петербурга на каникулы и спрашивает у отца: «Вот, допустим, мусульманин полюбил христианку. Может ли он жениться на ней?»

Гасан-Эфенди ответил вопросом на вопрос: «Почему нельзя?»

– Да, видите ли, отец, такая история приключилась с моим другом. Родители не против брака, но боятся нарушить обычай...

– Что же необходимо? – спросил Гасан-Эфенди.

– Требуется подпись авторитетного человека. Сделай богоугодное дело. Напиши.

Гасан-Эфенди написал бумагу и расписался.

Али уехал в Петербург и на следующие каникулы вернулся с симпатичной светлицей девушкой-немкой Еленой Бек.

– Кто она такая? – спросил родитель.

– Моя жена, – был ответ.

– Как же ты мог на немке жениться?

– С твоего разрешения, отец! – И сын показал Гасану-Эфенди бумагу. – Вот твоя подпись...

Ученому пришлось смириться. И правильно сделал. Елена Бек подарила семье Алкадарских двух замечательных сыновей, один из них, Готфрид, стал основоположником дагестанской классической музыки, другой, Генрих, – выдающимся ученым, лауреатом многих премий, в том числе Ленинской, Героем Социалистического Труда, доктором технических наук, профессором...

## Вмиг улетучилось

Много лет назад 80-летний Абдулжафар приехал на отдых из Хунзаха в Махачкалу. Обычно проживет денька два – и обратно. А тут задержался на целую неделю. И говорит сыну: «Хочу жениться». Абдулжафар, похоронивший двух жен, был еще крепок и несокрушим, как столетний дуб, поэтому ничего предосудительного в желании отца жениться в третий раз не было. Возлюбленная Абдулжафара жила в Махачкале.

Не откладывая дела в долгий ящик, сын и отец отправились к ней. По дороге сын поинтересовался: «Когда, отец, ты видел свою избранницу в последний раз?» Абдулжафар отвечал: «В русско-японскую войну».

Вот и дом, где живет невеста, вот и дверь, куда они постучались. Никто не ответил. Дверь оказалась открытой. Вошли, подали голос, никто не откликнулся. Окна тоже были открыты настежь.

Занавески, как паруса, вздувались от дуновения ветерка. В одной из комнат гулко ударили часы. Двинулись дальше. В зале, опершись на костлявые руки, на неожиданных гостей глядела древняя старуха. Мужчины стояли, не зная, что дальше делать, как старуха открыла рот: «Узнаю, Абдулжафар, узнаю. Пришел все-таки ко мне!» Плакали все трое.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.